Tadeusz Różewicz

ТАДЕУШ РУЖЕВИЧ

Стихотворения и поэмы

poeta jest ten który pisze wierzże
поэт это тот кто пишет стихи
i ten który wierzszy nie pisze
и тот кто стихов не пишет

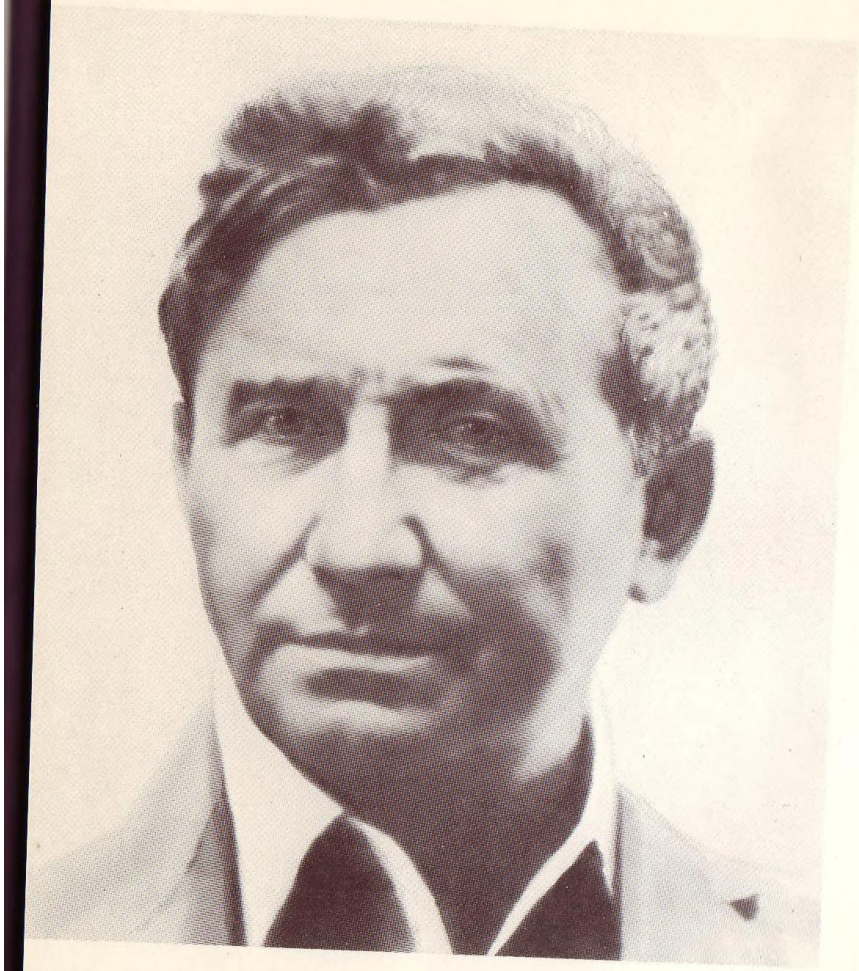
poeta jest ten który zrzuca więzy
поэт это тот кто рвет узы
i ten który więzy sobie nakłada
и тот кто их на себя налагает

poeta jest ten który wierzy
поэт это тот кто верит
i ten który uwierzyć nie może
и тот кто верить не в силах

poeta jest ten który kłamał
поэт это тот кто лгал
i ten którego okłamano
и тот кто обманали

ten który upadał
тот кто падал
i ten który się podnosi
и тот кто поднимался

poeta jest ten który odchodzi
поэт это тот кто уходит
i ten który odejść nie może
и тот кто уйти не в силах



Tadeusz

RÓŻEWICZ

Тадеуш

РУЖЕВИЧ

TADEUSZ RÓŻEWICZ

Москва
„Художественная литература"
1985

ТАДЕУШ РУЖЕВИЧ

Стихотворения и поэмы

Перевод с польского

Москва
„Художественная литература"
1985

И (Пол)
Р 83

TADEUSZ RÓŻEWICZ

Составление
и предисловие
В. Британишского

Художник
И. Сальникова

Р $\frac{4703000000-104}{028(01)-85}$ 171-85

© Составление, предисловие, переводы, отмеченные*, оформление. Издательство «Художественная литература», 1985 г.

ПОЭЗИЯ РУЖЕВИЧА

Ружевич пошутил однажды, что поэт движется не поступательно, а по кругу: вокруг своего центра, если этот центр у него есть. В этой шутке – большая доля истины. Истины не обо всяком поэте, но о самом Ружевиче. Ружевич не столько изменялся с годами, сколько разворачивался, расширялся, «дополнялся». Но изменялся, конечно, тоже.

В 1947 году, когда вышла его книга «Беспокойство» – одна из основополагающих книг всей послевоенной польской поэзии, – Тадеушу Ружевичу было двадцать шесть лет. Он родился в 1921 году в маленьком провинциальном городке Радомско Лодзинского воеводства. От Лодзи – километров сто, от Варшавы – километров двести, от ближайшего заметного города – Ченстоховы – тридцать пять километров. Здесь, в провинции, он начал учиться. Здесь, в провинции, пятнадцатилетним гимназистом, начал писать стихи. Далеко не выезжал. Не видел ни гор, ни моря. Много лет спустя он увидит мир: Москву и Париж, Нью-Йорк и Монголию. Но сначала он увидел – мировую войну.

Биография Ружевича военных лет, по его выражению, «средняя, обыкновенная» для поляка его поколения.

В 1939–1943 годах он работает рабочим – в столярной мастерской и на фабрике. В 1943–1944 годах он – в партизанском отряде. Аттестат зрелости он получил в 1945 году, на вечерних курсах для работающих. Осенью того же года он поступает на отделение истории искусств Ягеллонского университета в Кракове. Со страниц польских литературных журналов и газет во весь голос зазвучали его стихи.

Мне двадцать четыре года
я уцелел
отправленный на бойню

– так начинается стихотворение Ружевича «Уцелевший». Ружевич вошел в польскую поэзию как поэт одной темы – темы войны. Как выразитель поколения, которое так и называют иногда: «поколение уцелевших». Действительно, уцелело в поколении сверстников Ружевича меньшинство – большинство погибло. Погибшие уже ничего не смогут рассказать. Ружевич должен – за себя и за них – поведать о том, что он видел и пережил. О том, что происходило и происходит в душах «уцелевших».

Много лет спустя Ружевич скажет о своем поколении: «Во время войны и оккупации мы любили жизнь, боролись с фашизмом за жизнь и платили жизнью». В стихотворениях первых послевоенных лет Ружевич высказывается как свидетель преступлений фашизма. Как очевидец. Как человек, потрясенный самым фактом существования фашизма, обеспокоенный судьбами мира, в котором такое могло быть. Вот откуда название книги – «Беспокойство».

В композиции стихотворения «Уцелевший» дважды повторена строка «я видел:». В стихах и поэмах Ружевича, написанных свободным и безрифменным стихом, в этих «нагих» стихах, чрезвычайно возрастает композиционная и эмоциональная роль повторов, самых простых

и основных средств всякой поэзии, начиная с народной. Дважды повторенное «я видел:», неожиданная резкая интонационная пауза после слова «видел» в композиции этого стихотворения звучат как сдавленный крик. Два двоеточия, каждый раз после слова «видел», на фоне почти полного отсутствия в стихотворении других знаков пунктуации, как бы увеличиваются, кажутся широко раскрытыми глазами очевидца. Эти двоеточия тоже – «кричат». Максимально скупыми, но мастерски использованными поэтическими средствами достигает Ружевич ощущения «крика души».

Ружевич любит добротную писательскую работу. В стихотворении «Голос из Круассе» поэт отдает дань каторжному труду мученика слова Флобера:

...без обезболивания
он выдирал из внутренностей с кровью
классическую структуру фраз
безукоризненную форму...

Помню, мы ходили по дому-музею Толстого в Ясной Поляне. Дождавшись осуществления своей давней мечты (Толстой – один из главных и постоянных «собеседников» Ружевича, учитель, с которым он советуется и спорит), Ружевич смотрел на все молча, сосредоточенно, как бы даже хмуро. Но вот он просиял и воскликнул: «Смотрите!» Это были корректуры Толстого, корректуры, в которых писатель вновь и вновь, много раз, все целиком перечеркивал и переписывал заново. Так добиваются пресловутой простоты. Так работает и сам Ружевич. Одно его стихотворение – 12 строк – имело 11 последовательных вариантов. Свободный стих отнюдь не освобождает поэта от работы над формой. Наоборот, он требует от поэта еще большей внутренней дисциплины, еще большей настойчивости в поисках «речи точной и нагой».

Ружевич – выдающийся новатор, но главное, что он

сделал, это обновление реализма в польской поэзии, обогащение реализма художественными открытиями польской и мировой литературы XX века, а также своим личным опытом и историческим опытом своего поколения. Важны не новизна и оригинальность формы сами по себе и во что бы то ни стало. Важно ощущение, что высказывается наш современник, и высказывается по сути дела. Важна адекватность формы предмету высказывания, «прозрачность» формы: «...чтобы,– как говорит Ружевич,– сквозь стих была абсолютно видна его драматическая материя, чтобы сквозь стих, как сквозь чистую воду, было видно, что шевелится на дне, и чтобы форма таким путем должна была как бы исчезать, стала бы столь прозрачной, что отождествилась бы с предметом данного произведения...».

Драматической материей лирики и поэм Ружевича многие годы оставалась – война. Поэзия Ружевича глубоко драматична и тогда, когда он – вновь и вновь – возвращается к картинам второй мировой войны. И тогда, когда он говорит об угрозе новой, глобальной – может быть, роковой для существования человечества на Земле – войны. И тогда, когда он пишет о «малых», «локальных», «далеких» войнах на другом конце света. Такова его поэма «Джендеран» (1952) – плач о маленьком городке, исчезнувшем с карты Малайи, стертом с лица земли колониалистами.

Но драматическая материя войны просвечивает и сквозь другие темы, о чем бы Ружевич ни писал.

В 1914 году молодой Маяковский, потрясенный газетными сообщениями первых же месяцев первой мировой войны, масштабами разрушений, но главное, массовостью человеческих жертв, говорил, обращаясь к художникам-живописцам: «Можно не писать о *войне*, но *надо* писать *войною*» (курсив Маяковского.– *В. Б.*). И пояснял свою мысль: это может быть яблоко, поставленное для

натюрморта, но так, чтобы за этим яблоком виделись жертвы войны. Такие «натюрморты» часто встречаются в поэзии Ружевича: даже когда он пишет не о войне, он «пишет войною».

Вот фрагмент из итальянской поэмы Ружевича, написанной в 1961 году, много лет спустя по окончании войны. Улица в Неаполе, прямо на улице продают разнообразную и живописную снедь. Город изображен южный, но жанр живописи Ружевича здесь скорее – «северный», напоминающий голландцев, их «рынки», «лавки», «кухни», «битую дичь»:

...лежат потроха на льду
на свежих листьях
как павшие ягнята
кроваво-красные печенки
сердца языки...
...птички сколько тут птичек
сколько птичек на проволоке
проткнувшей их умолкшие горлышки
продернутой сквозь раскрытые клювики...

Здесь еще ни слова не сказано о войне, но зловещая «материя» войны уже просвечивает. За этими павшими (издревле – жертвенными) ягнятами, за этими убитыми птичками уже видятся жертвы войны. Впрямую об этих жертвах, об ужасах гитлеровской оккупации Ружевич напомнит в поэме чуть дальше: даст цитату из своего стихотворения «Маска» (1946), открывавшего когда-то его первую книгу. Да, Ружевич действительно движется «по кругу», вновь и вновь возвращаясь к тому, от чего уходил.

За первыми строками стихотворения Ружевича «Мясная лавка» угадывается известная картина Рембрандта, название которой по-русски переводят как «Мясная туша», или «Туша быка». Картина находится в Лувре, мы о ней можем судить лишь по цветным репродукциям (как, впрочем, и Ружевич в 1947 году, потому что в Париже он

побывал впервые десятью годами позже). Но и по репродукциям чувствуется, что этот убитый бык Рембрандта, этот четвертованный, истекающий кровью бык – кричит. Один из величайших реалистов и гуманистов, Рембрандт в этой поздней вещи выразил всю свою потрясенность жестокостью эпохи, эпохи бесконечных кровопролитных и зверских войн. Правы историки искусства, полагающие, что «сила концепции и мощь колорита заставляют исключить эту вещь из богатой школы голландского натюрморта и переводят ее в какой-то новый, необычный род живописи».

Реализм Ружевича, как реализм всякого большого художника, тоже новый и необычный. Но, как всякий подлинный новатор, Ружевич опирается на вершинные достижения художников XX, XVII или даже XVI века – в поэзии, в прозе, в театре, в живописи. О Ружевиче нужно повторить слова, которые Мейерхольд сказал о Маяковском: «Это человек большой культуры».

Молодой Ружевич учился в университете (в одном из выступлений в печати он горячо убеждает молодых поэтов ни в коем случае не бросать учебу ради преждевременной профессионализации). Он прожил почти четыре года в Кракове (1945–1949), в городе-музее архитектуры готики, ренессанса и барокко. Маленькое стихотворение Ружевича «Открытие первоначальных красок в алтаре Вита Ствоша» связано с большим событием в послевоенной жизни Кракова: резной готический алтарь работы Вита Ствоша (XV век), вывезенный оккупантами в Германию, был возвращен в Краков и, после нескольких лет реставрации, предстал очам краковян. Для Ружевича это событие тем более значимое, что в эти послевоенные годы, годы восстановления разрушенных в Польше памятников архитектуры, Ружевич «восстанавливает» историю культуры. «Восстанавливает» и «строит заново».

Ведь в годы войны и оккупации Ружевич «не видел», по его словам,

...ни неба ни розы
ни дерева ни гнезда ни птицы
ни святого Франциска
ни Гектора ни Ахилла
Все шесть лет
из ноздрей вырывался кровавый огонь...

Огонь войны и звериный лик фашизма заставили Ружевича усомниться, была ли вообще античность с ее идеалами, был ли Франциск Ассизский, этот апостол бедняков и поэт, проповедовавший птицам, была ли европейская культура. Ружевич должен был восстановить – для себя и для других – веру в существование античности и Возрождения, в существование гуманизма. Он должен был, как он сам выражается, «восстановить человека». Человека как высшую меру всех вещей. «Восстановление человека» и восстановление культуры для Ружевича неразрывно связаны. Эстетическое не может существовать без этического. Ведь и у древних греков, напоминает Ружевич, не было идеала красоты как таковой – был идеал добра и красоты.

Но первые послевоенные годы в Польше – не только годы восстановления. Это также годы исторического перелома. Рождается Народная Польша. Досентябрьская Польша, Польша буржуазно-помещичья, канула в прошлое навсегда. В стихотворении «1939 год» Ружевич хоронит эту Польшу со всеми ее «ненужными смешными реквизитами». Он «хоронит» и «себя вчерашнего», юношу, верившего этим «обманам». Он ощущает всю значительность и необратимость происшедшего. Для Ружевича само собой разумеется, что послевоенная Польша должна рождаться как совершенно новая, ничего – абсолютно ничего – общего не имеющая с довоенной. В своих требованиях Ружевич максимален и нетерпелив. Это нетерпение

поэта. Так Александру Блоку в 1918 году не терпелось «*Переделать все* (курсив Блока.– *В. Б.*). Устроить так, чтобы все стало новым; чтобы лживая, грязная, скучная, безобразная наша жизнь стала справедливой, чистой, веселой и прекрасной жизнью». Все должно стать новым немедленно, как можно скорее.

И вдруг оказывается, что в послевоенном городе кишат и копошатся призраки прошлого. Не все были во время войны партизанами и подпольщиками, иные были торгашами и спекулянтами. В 1945–1946 годах именно эти люди пируют и ликуют в кафе и ресторанах Кракова, и хотя близок их двенадцатый час, но бывшему партизану невмоготу смотреть на это пиршество. Эти люди умерли, они «утратили бытие» (как говорил о них Блок), но притворяются, что живы. Старый мир, мир «ловкачей», «мошенников», «фарисеев» и «шарлатанов», «темновельможных панов», заливающих ликерами свои глотки, и «дамочек», клюющих пирожное, прикидывается живым. Как зачарованный смотрит Ружевич на эту пляску мертвецов. Ему, бывшему партизану, помнящему, ценой скольких смертей (и каких людей!) родилась новая Польша, польская революция кажется слишком «ласковой» по отношению к остаткам старого мира. Ружевич клеймит, негодует, предъявляет свой счет. Таково его стихотворение «Счет». Но и стихотворение «Любовь» полно, вопреки названию, самых разных чувств, включая ненависть и презрение. Старый мир изображен здесь шаржированно и гротескно.

Гротеск и сатира займут позже большое место в драматургии Ружевича. А наметившаяся в лирике первых послевоенных лет антибуржуазная тема в поэмах и лирике 60-х годов перерастет в развернутую критику буржуазной цивилизации.

Но это будет позже, после поездки в Париж (1957), после первого итальянского путешествия (1960). А пока что, в 1949 году, Ружевич женился и переезжает в Гливицы. Здесь он прожил 19 лет. За это время у него родились два сына, он стал трижды лауреатом, его пьесы завоевали все польские сцены, было издано – в 1957 году – первое собрание его поэтических произведений, вышли три книги прозы.

Гливицы – один из городов Верхне-Силезского промышленного округа Польши, «Черной Силезии». «Пейзаж Силезии, ритм ее жизни, времени, работы стали чем-то внутренним для моего творчества»,– говорил Ружевич на пятнадцатом году жизни в Гливицах. А еще несколько лет спустя, незадолго перед тем, как переехать во Вроцлав (где он и живет с 1968 года), Ружевич напишет стихотворение «Осеннее», отождествит себя, свое тело с телом угленосной силезской земли; лишь на самом краю этого современного промышленного «пейзажа» прилепилась забытая картина – пахарь с конем. В гливицкие годы написано и стихотворение «Корни»: о Ван-Гоге среди шахтеров Боринажа, о самих шахтерах, этих «корнях», которые трудятся под землей, чтобы стебель подсолнуха возносился к солнцу.

Живя в городе шахтеров и металлургов, Ружевич не стал, однако, «индустриальным» поэтом. В его книгах стихов начала 50-х годов есть гливицкие зарисовки с натуры, записи слышанных им разговоров рабочего города, но подлинной удачей Ружевича тех лет была и остается поэма «Старая крестьянка идет берегом моря»:

...Первая женщина
из далекой горной деревни
идет берегом моря...
...полвека шла
к огромному морю
пока ее на берег
не вынесла новая власть
рабоче-крестьянская...

«Эмма – это я»,– говорил Флобер о героине своего романа. «Старая крестьянка – это я»,– мог бы сказать Руже-

вич. Он ведь тоже лишь взрослым человеком впервые увидел и море, и горы (а затем и страны по ту сторону гор и по ту сторону моря). Но это личное остается лишь эмоциональным фоном поэмы. Основной же образ поэмы-картины (книга недаром называется «Стихи и картины») – образ старой крестьянки, образ монументальный, фресковый. Но, в отличие от статичной фрески, поэма-картина Ружевича – движется: старая крестьянка

...идет
берегом моря
наклоняется
берет горсть воды
погружает лицо
на губах ощущает море
как слезы...

...идет берегом моря
поднимает раковину
слушает
улыбается
небу морю
себе...

Это как бы подробно расписанный сценарий и сценарный план кинофильма. Лицо крупным планом. Фигура во весь рост. Широкая панорама морского берега. Группа молодежи, играющей в мяч на пляже. Раковины на берегу, водоросли, кусочки янтаря... Можно представить себе этот фильм: черно-белый и почти немой, очень скупой и сдержанный по средствам. Эта поэма-картина уже предвещает откровенную и продуманную кинематографичность итальянской поэмы Ружевича, отдельные «кадры» которой напоминают итальянских режиссеров-неореалистов.

Итальянская поэма Ружевича – центр его поэзии 60-х годов и самая крупная вещь в его поэтическом творчестве. Поэма называется «Et in Arcadia ego». «И в Аркадии – я». Так вещала аллегорическая Смерть с надгробий на картинах итальянских и иных европейских художников эпохи барокко. И в идиллической Аркадии люди тоже умирают, и там блаженство не вечно. Гете, поставив эти слова эпиграфом к своему «Путешествию в Италию», вложил в них совершенно иной смысл. «И я в Аркадии!» – восклицает Гете. Наконец-то осуществилась мечта Гете побывать в прекрасной Италии. Поэма Ружевича построена как спор с гетевским «Путешествием» и бесконечным потоком «итальянских путешествий», которому Гете положил начало. Ружевич подсказывает читателям, с кем он спорит: включает в текст два фрагмента из немецкого оригинала «Путешествия»; еще один отрывок, тоже по-немецки, поставлен эпиграфом.

Не счастливую Аркадию, страну поэтов и живописцев, видит в Италии Ружевич, а современную «автоматизированную» буржуазную цивилизацию, враждебную поэзии, враждебную искусству, враждебную человеку. Это цивилизация «играющих ящиков», то есть музыкальных автоматов, и людей-автоматов, «игрушечных», как они видятся Ружевичу, «солдатиков» итальянской армии, одной из армий Северо-Атлантического пакта. В последней главе поэмы изображается парад этой армии:

...в совершенно одинаковых машинах
совершенно одинаковые солдаты
лиц не видно...
...кто-то неведомый завел
и все это двигается безотказно...

Лиц не видно. Людей не видно. Цивилизация без людей. Цивилизация Смерти.

Критика буржуазной цивилизации – основная тема

поэзии Ружевича 60-х годов. Несмотря на возрастающую работу для театра, Ружевич очень интенсивно работает в эти годы как поэт: книги «Зеленая роза» (1961), «Голос анонима» (1961), «Ничто в плаще Просперо» (1963), три издания книги «Лицо» (1964, 1966, 1968). Третье издание книги «Лицо» Ружевич назвал «Третье лицо»: поэт подсказывает, что его стихи и поэмы 60-х годов – это уже третье его лицо, вторым лицом были стихи 50-х годов, а первым – стихи первых книг. Ружевич меняется. Но в то же время остается верен себе, остается собой. Антибуржуазная тема его первой книги разворачивается в пространстве. В стихах и поэмах 60-х годов предстает панорама Западной Европы, панорама ее культуры и кризиса этой культуры. Тема разворачивается и во времени. Ружевич, который поначалу был поэтом только истории новейшей, поэтом только современности, теперь, анализируя современную буржуазную цивилизацию, возвращается – вверх по течению – к истокам Нового Времени. С болью видит он, что Новое Время, предвестниками которого были титаны европейского Возрождения, обернулось «старым миром». В плаще мудрого и всемогущего волшебника Просперо, воплощавшего гуманистические идеалы, мечты и утопии Шекспира и всего Ренессанса, теперь ходит буржуазное «ничто».

Ружевич побывал во многих западноевропейских странах, но почти все свои зарубежные впечатления и размышления – в стихотворениях ли, в поэмах ли, в прозе ли («Смерть в старых декорациях», 1970) – локализует в Италии, транспонирует в жанр «итальянского путешествия». Неужели же он возвращается из этого путешествия с одним лишь чувством горечи и разочарования? Неужели «ничего не было» – ни Возрождения, ни «прекрасной Италии»? Вернемся еще раз к поэме «Et in Arcadia ego». Вчитаемся в ее лирический эпилог:

...я был потрясен прекрасным
я опять был ребенком
в лоне этой страны
я плакал
и не стыжусь
Я пробовал вернуться в рай

«Рай» – это идеализированная Италия, какой виделась она в XVIII веке Гете. Какой виделась она многим поэтам XIX века (например польскому поэту-романтику Зыгмунту Красинскому). Какой она еще могла видеться некоторым поэтам в начале нашего столетия (например, одному из любимейших поэтов Ружевича Леопольду Стаффу). Идеализированная Италия, какой Ружевичу – поэту эпохи «после Освенцима» – видеться она уже не может. Но в то же время Ружевич не может не пробовать «вернуться» в этот «рай». Не может не видеть прекрасного. Микеланджело остается Микеланджело. Тинторетто остается Тинторетто. В Сикстинской капелле Ружевич жадно «глотает» краски Микеланджело. В Венеции живопись Тинторетто оказывается для поэта эмоциональным центром и лейтмотивом всей симфонии ощущений:

...дождь Тинторетто золото
дождь изумрудная зелень
Тинторетто полночь...

Краски Тинторетто сливаются с красками самой Венеции, становятся как бы «материей» города.

Ружевичу дороги ценности культуры прошлого, будь то искусство Италии или старого Кракова, поэзия Данте или Кохановского, живопись Рембрандта или драмы Шекспира. Диалог с Шекспиром, начавшийся еще в книге «Разговор с принцем» (1960; имеется в виду, конечно, принц датский, Гамлет), продолжается и в следующих

книгах. С годами все большее место в поэзии Ружевича занимают и «разговоры с Толстым».

В маленьких элегиях 70-х годов, интимных и камерных, особенно по контрасту с поэмами-панорамами предыдущего десятилетия, Ружевич вспоминает ушедших близких. Своих стариков – мать и отца, своего старшего друга – выдающегося польского писателя и филолога Казимежа Выку. В поэмах Ружевича 70-х годов живут и движутся невероятные, фантастические старики. Преодолевшие и старость, и смерть. Лев Толстой, Пабло Пикассо. Вечно живые, вечно рождающие.

Одна из поэтических книг Ружевича называлась «Открытая поэма». Такой «открытой поэмой» продолжает быть и все поэтическое творчество Ружевича, поэмой, в которой появляются и будут появляться все новые и новые главы.

В. Британишский

Стихотворения и поэмы

Беспокойство
Стихи 1945-1946 годов

МАСКА

Я смотрю кинофильм о венецианском карнавале
где огромные пугала с чудовищными головами
беззвучно хохочут рот растянув до ушей
и красавица слишком великолепная
для меня обитателя маленького городка на севере
едет верхом на ихтиозавре.

В моей стране у ископаемых маленькие черные
головы залитые гипсом гримасы смертного смеха
но и у нас разноцветные вертятся карусели
и девчонка в черных чулках приманивает
слона и двух голубых львов с малиновыми
языками
и ловит пальчиком на лету обручальное колечко.

Наши тела строптивы и не склонны к трауру
наши нёба жадно требуют сладкого
ты поправь свой бумажный венок и ленты
наклонись вот так: пусть колено коснется колена
твои бедра живые
бежим скорее бежим.

1946

ЛАМЕНТАЦИЯ

К вам обращаюсь ксендзы
учителя художники судьи
сапожники врачи референты
и к тебе отец мой
Выслушайте меня

Я не молод
пусть вас не введут в заблужденье
гибкость моего тела
нежная белизна моей шеи
ясность открытого лба
мальчишеский пух над губой
ангельский смех
легкость походки

я не молод
пусть вас не умиляют
моя невинность
моя наивность
хрупкость и слабость
чистота

двадцатилетний
я был убийцей
орудьем смерти
слепым
как меч палача
я убил человека
и красными пальцами
гладил белые груди женщин

Искалеченный я не видел
ни неба ни розы
ни дерева ни гнезда ни птицы

ни святого Франциска
ни Гектора ни Ахилла
Все шесть лет
из ноздрей вырывался кровавый огонь

Не верую в претворенье воды в вино
не верую в отпущенье грехов
не верую в воскресение мертвых

РАНЕНЫЙ

Гнил я как порченый плод
ворох белых смердящих тряпок
изрезанный на голубые полоски
и шрамы.

Надо мною шелестели сестры
и врачи проплывали
тучами йода
рядом с моей головою
в их огрубевших шершавых ладонях
лежал я
слепой щенок брошенный в темень
из пасти
текло скуленье.

Мир
я чуял
слышал
шел за ним по следу

пока
в ладони
такой же ясновидящей
как два простреленных глаза

не нашел потерянную форму
форму пламени
грудь
вылущили из этой ночи
слепые пальцы
Это ты сестрица
склоненная надо мною
полная тени ветка.

МАТЬ ПОВЕШЕННЫХ

Трется о шершавую шкуру толпы.

Тут
по улице ходит
мать повешенных
черная
посеребренную голову носит
в ладонях
Ах какая тяжелая глыба
заполнена ночью
расколота светом

Безумная кружит
и песни поет
ботинки с разбитыми каблуками
бесплодное лоно
увядшие груди
сирена безумная воет
на месяц вспухший над городом

Свинцовыми стопами по бетону
ступает
мать повешенных
с луной на шее
идет ко дну
и трется о шершавую чешую толпы.

ДОЛЯ

Памяти капрала «Стройного»

Лежал партизан раздетый
пели птицы
и божьи коровки бродили
по восковым ладоням

Хоронить запретили жандармы
под страхом расстрела
пусть гниет
эта падаль

Земля родная
распростерлась разбитая
обняла его светлую голову
и прижала

Он лежал возле леса тихо
будто пил из источника воду
наклоненный
над своею долей
могилой.

ДВА ПРИГОВОРА

Вижу улыбку
снятую с его белого лица
у стенки.

Вестник смерти Незнакомец
голову склонил
ниже.

Вижу
смешное изваянье боли
в стоптанных туфлях
на кухне
маленькую
согнутую фигурку
матери окаменевшей.

УМЕРШЕМУ

Мои дела это дела живых.
Я вижу слышу осязаю
взвешиваюсь на уличных весах
убегаю перед голубым трамваем
в июле: отираю лоб лоснящийся потом
пью газированную воду с малиновым сиропом
подавляю зевоту
пишу стихи скучаю мрачнею
размышляю о смерти
покупаю баранки и пушистые нежные
будто розовые мышата персики
читаю Маркса
не понимаю Бергсона.
С рыжеволосой иду на танцы
мы смеемся
над атомной бомбой
алые губки
золотая соломинка
моя девчонка в зеленой блузке
высосала из неба луну
официант разносит белые пены пив
черный официантик чуть больше ласточки
точит перышки фрака о
щурятся яркие фонари в ресницах ночи

она прикрыла белой ладонью мою тревогу
память мою о Тебе.

Такие вот дела мои. Живу
и мне ничто другое так не чуждо
как ты умерший Друг.

УЦЕЛЕВШИЙ

Мне двадцать четыре года
я уцелел
отправленный на бойню.

Это названия пустые и однозначные:
человек и скот
ненависть и любовь
враг и друг
тьма и свет.

Человека убивают так же как скот
я видел:
фургоны людей порубленных на части
людей которые не спасутся.

Все понятия – это только фразы:
добро и зло
правда и ложь
красивое и дурное
храбрость и трусость.
Одинаково весят добро и зло
я видел:
человека который был одновременно
преступник и праведник.

Я ищу учителя и пророка
пусть вернет мне зрение слух и речь

пусть заново даст названия вещам и понятиям
пусть свет отделит от тьмы.

Мне двадцать четыре года
я уцелел
отправленный на бойню.

1939 ГОД

Так обманутый что вы могли бы
дать мне белую трость слепого
ибо я ненавижу
вас
ибо я ухожу
от себя вчерашнего

я ищу себе кладбище
где не восстану из мертвых
где сложу смешные ненужные реквизиты:
Бога крохотного как божок из липового полешка
белого орла малюсенького как птичка
на ветке
человека которым не буду.

ОГРОМНЫЕ АЛЫЕ ГУБЫ

В моем городке где колодец
разевает львиную пасть
и главы семейств вдоль коротких улиц
катятся круглые в пиджачных парах

в городке где пьяный сапожник
очертил кругозор зигзагом
и розовым рылом буравит

мусорную кучу а маленькое небо
вертится как шляпа на тросточке франта:

горизонты не развеваются
как знамена.

Здесь любая гора рождает мышь
пищащую и слепую
здесь польская революция
застывает в июле
как в янтаре
а
единственный демагог
хамелеон
меняет кожу
к удовольствию гуляющей публики.

В моем городке где колодец
разевает львиную пасть
я читаю поэму «Хорошо!»
пожирает меня революция
у ее поэзии
огромные алые губы.

ПРИВАЛ

Малышка, круглая, как спелый яблок,
переваливается на куцых ножках,
подносит воды в кувшине,
поглядывает лукаво.

Из кувшина, медного обрубка,
студеная хлещет струя,
стекает потоком,
словно проселок, спаленный в пепел.

Пчеловод несет золотистые соты,
в бороде застряв, серчает пчела.
Капрал Медведь
причмокивает со вкусом.

Командир ориентируется по карте,
по значкам, по топографическим знакам,
в небе плывут необозначенные тучки,
жаворонок трепещет на высочайшей башне,
возносит ее, возводит ее воздушно и стройно,
прядает вниз
и звенит в руках пастушонка
на ивовой ветке.

В саду поворотился подсолнечник.
Девчонка подвижная, как юла,
отворачивается, отводит глаза.
Капрал Медведь
облизал большой обслаженный палец
и громыхает ворчливо:
становись... становись.

МАРШ ЧЕРЕЗ ДЕРЕВНЮ

Белые зубья мороза скребли по шинелям
черный лес мчался с шумом обок
ракеты размазывали в небе как кисти
огни зеленый оранжевый красный
и сомлевший солдат на мгновение видел
плоские поля словно кто-то
поворачивал трубку калейдоскопа.

Сапоги скрипели по жесткому снегу
передовые отражали букетики звезд
на стволах и раздирали штыками

мохнатую черную шкуру ночи
с дрогнувших веток осыпался
тихий пушистый снег.

Хаты сбившись как деревянные обода
сползали долинами в пойму реки
застывшей от пульсирующего истока
до устья замолкших уст.

Вошли со звяканьем застывшие посеребренные
обмякли в теплых клубах избы
розоватый пар дыханья стлался вокруг
отяжелевших суровых голов
от образов восходило сиянье
и белая Голубица трепетала крыльями
над Сыном.

МЕРТВЫЙ ПЛОД

На блюде золотые груши
цветы а рядом две девчонки

И тут же рядом снимок парня
простой и ясный в черной кепке

А у девчонок мягки губы
а у девчонок сладки очи

Мать входит в комнату печально
заплакав поправляет снимок

И меркнут золотые солнца
и мертвый плод судьбы и жизни.

МЕЛЬНИЧКА

Мельничка
щебета и света
вертится целый божий день

День этот божий
весь сотканный из солнца и любви
а золотое яблоко земли
держит нежнейшая ладонь

Мельничка
синяя как бант
мелет слова и смех
как если б жернова небес
мололи манну для отца и матери
радости неповседневный хлеб.

ПРОЩАНИЕ

Ей казалось
что мир печален
кругом
что печальны цветы и дождь
что печаль гнездится
в колючей шерсти
пахнущей резедой
что печальны
голоса отъезжающих
что печален
веселый извозчик
хлопающий кнутом
ей казалось
земля и небо

печалятся сверх всякой меры
а
это крутились колеса
все быстрее все дальше

Без конца без края.

ГОТИКА И ВЕСНА

Готика красная
весна зеленая.

Готика стрельчатая арка
кривятся маскароны
зияют рты плевак
разинутые пасти
выбрасывают язык воды
потягиваются контрфорсы
упруго изогнув хребты.

Готика выстрелила из патины.

Собор святой летаргии. Внутри
рубин в золотом ларце: литургия.
Старец из слоновой кости
крестным знаменьем осеняет
средокрестье.
Ниже низехонько
у самой земли
стоят на коленях дети.
Вокруг. Весна молодая весна
листьями зелени
обрызгала старые стены.

Взбраживает формы.

ЛЮБОВЬ

Я купил тебе цветок герани
несу горшочек в розовой бумажке.
Я иду по улице
люди бегут люди едут люди кричат
этот вон продает
чудесную жидкость для ращенья волос
ладанки
ядовитые леденцы
порнографические открытки.
Рядом в красном костеле
еще угрожают вот смешные пеклом
прельщают царствием небесным
расхваливают веру наших предков.
Ловкач с холодным рыбьим оком
и с бородой как рыжий лисий хвост
сто тысяч бедняков
облапошил
объявил банкротство.
Муравейник кишит.
Лжесвидетельствуют пишут анонимки
болеют сифилисом
пьют водку или эфир
насилуют и режут
подсчитывают сальдо.
Фарисеи готовятся к фарсу
ждут кардинала
кармазинный кардинал
чуда не явил
освистали кардинала птицы.
Поэты крутят шарманку
ведут диалоги с Богом
чеканят фальшивую монету.
На философском факультете
профессор с большим портфелем

и в красном тюрбане
метафизику излагает
вдыхайте советует прану.
Вздор обман шарлатанство.
Я иду по улице
благодарный тебе за любовь
радующийся герани
в розовом горшочке.
Вот она истина:
любовь очищает душу
я уже лучше
чуточку лучше
мы в это верим оба.

ВЕСЕННИЙ ДОЖДЬ

В сетке дождя.

Извозчики в котелках
икают
кони кивают головами
у них глаза большие
как у святых византийских
влажные как слеза.

Девушки на перекрестках улиц
продают
румяные как маленькие луны булочки
сладкие как губы конфетки
ветки снежноягодника в руках
теплых и белых.

Трамвай разжигает лазурные искры.

Пьяный стряхивает оранжевые блики
с фонаря печального как кипарис.

В окне расчесывает
лиловые волосы
дочь артиста.

Капля дождя
оправленная в луч света
сверкает опалом.

РАСЧЕТ

Четыре дамочки
в розовых чулочках
зеленая шляпка
с малиновым перышком
четыре дамочки клюют пирожное
пирожное весьма порочное
в такой ноябрьский национальный день
господин за столиком петушится
гребнем своим золотым трясет
официант получите
является свет
среди серебряных жирандолей
резвятся птички божьи
которые не сеют не жнут.
Я бывший партизан
пришел сюда поразмыслить
и выпить (я не Савонарола)
однако: эта революция
ласкова как лебединая шея.
Залитые ликерами глотки
темновельможных панов
светятся как трубки с неоном.
Павшие на поле брани
непорочные юные герои
так мне вас страшно жаль

так страшно жаль.
Елочки как зеленые звезды
всходят на ваших могилах.
Четыре дамочки клюют пирожное
розовое пирожное весьма порочное.

1946

ОЧИЩЕНИЕ

Не стыдитесь слез
не стыдитесь слез молодые поэты.

Восторгайтесь луной
лунной ночью
чистой любовью и соловьиным пеньем.

Не бойтесь седьмого неба
хватайте с неба звезды
со звездами сравнивайте глаза любимых.

Умиляйтесь подснежнику
оранжевой бабочке
восходу и заходу солнца.

Сыпьте крошки смиренным голубкам
разглядывайте с улыбкой
собак цветы носорогов и паровозы.

Говорите об идеалах
декламируйте оду к молодости
доверяйте первым встречным.

Наивные вы поверите в красоту
восторженные вы поверите в человека.

Не стыдитесь слез
не стыдитесь слез молодые поэты.

Красная тетрадка
Стихи 1947-1948 годов

ВИЖУ БЕЗУМНЫХ

Вижу безумных
тех что ходили по морю
верили не усумнившись
и утонули

они и теперь накреняют
мою ненадежную лодку

жестоко живой я отталкиваю
их руки мертвые каменные
отталкиваю год за годом.

КАШТАН

Очень грустно выезжать
из дому осенним утром
когда ничто не предвещает
скорого возвращения

Каштан перед домом посаженный отцом
растет в наших глазах

моя мать маленькая
ее можно носить на руках

на полочке стоят банки
в которых варенье
как богини
со сладкими губами
они сохранили вкус
вечной юности

солдатики в уголке шкафа
уже до скончания мира
останутся оловянными

а всемогущий Бог
который подмешивал
к сладостям горечь
висит на стене беспомощно
он плохо нарисован.

Детство –
стертое изображенье
на золотой монете.

ВОЗВРАЩЕНИЕ

Внезапно хлопнет оконница
и мать позовет
пора возвращаться

расступятся стены
взойду на небо в грязных ботинках

присяду к столу и раздраженно
отвечу на вопросы

у меня все в порядке оставьте
меня в покое. Сжимая руками голову
сижу и сижу вот эдак. Как же
им рассказать о долгой
и путаной дороге.

Здесь на небе матери вяжут
на спицах зеленые шарфики

жужжат мухи

отец дремлет у печки
после шести дней работы.

Нет – я не в силах
сказать им что человека
человек хватает за глотку.

КУРГАН

Над ним курган навалили
из прибытий и отбытий
из времени и пространства
из людей вещей событий
газет кофе масла
из плюшевых зеленых альбомов
брома букетов
и фальшивого смеха

Почти что все собрались
медный лист на столе лежит
здесь прах сыплют

Мать разгребает завал
лицо достает молодое
из ясного луча

с крупным ртом
припахивающим табаком

это Он
к которому не выбежишь
навстречу
который не задремал в малиннике
который не приедет завтра

Живьем погребенная мать
над столом по воздуху
слабо шевелит
пальцами.

МЯСНАЯ ЛАВКА

Порубленные розовые идеалы
висят в мясной лавке

Рядом выставлены на продажу
шутовские маски
пестрые посмертные маски
снятые с нас
с нас живых
переживших
заглядевшихся
в глазницы войны.

НЕБО ДЕТСТВА

Небо
о сладостный вкус на небе
вкус миндаля меда
ванили и мака

Я которому было дано
познать вкус крови огня и насилия
растираю на нёбе облатку
нежнейшего ангела
с поникшим бледным лицом.

ЕСЛИ Б КТО УВИДЕЛ

Если б кто увидел мою мать
в синем халате в белой палате
когда она дрожит
когда она каменеет
с застывшей улыбкой
с побелевшими деснами

Она верила в бога лет пятьдесят
а сейчас со слезами бормочет:
«не знаю... не знаю»

лицо ее – мутная большая слеза
она складывает желтые ручки
как перепуганный ребенок
а губы у нее синие

если б кто увидел мою мать
затравленного зверька
с выпученными глазами

тот

ах если б я мог носить ее на сердце
и баловать сластями.

ИГРА В ЛОШАДКИ

Желтая канарейка
как лимон
в плетеной корзинке

бабушка в чепце
попавшая
в сеть морщинок

отец со лбом скрытым
в туче дыма

мальчики ржут
распускают гривы по ветру
бьют копытом
нетерпеливую землю

мать схватила
отменного иноходца
в белых бретельках
и целует его в мордашку
кислую от щавеля

КАК ХОРОШО

Как хорошо Могу я собирать
в лесу малину
я думал
что ни леса нет ни ягод.

Как хорошо Могу я возлежать
под тенью листьев
я думал
что нет тени у деревьев.

Как хорошо Ведь я сейчас с тобою
и сердце бьется
я думал
нет у человека сердца.

Улыбки
Стихи 1945-1956 годов

ПРИЧИНЫ ДЛЯ РАДОСТИ

Дитя радуется ради радости
старичок кофейку со сливками
а кто-то еще грудке натурально куриной
куриная грудка любимая пища редакторов

Рифмоплет (усвоивший обязательность
миги интриги)
радуется засохшему листку
в страницах книги
где подсчитал строки и знаки

В знаках препинания нет волшебства
В сборнике ровно сто тысяч

О знаки злаки птицы
милые мои единицы

ПРЕВРАЩЕНИЯ

Ко мне в кабинет
прибежал сынишка

«Ты коршун папа
а я мышонок»

Закрыл я книгу и у меня
мгновенно выросли
крылья и когти

И тени крыльев
скользят по стенам
Я грозный коршун
а он мышонок

«Ты серый волк
я белый козлик»
И мы кружимся вокруг стола

и окна стеклами сверкают
как острые клыки
во тьме

Но козлик убегает
к маме
и прячет голову в подол

1953

ПРИЕЗД ДЕДУШКИ

Дорогому Старику
посвящаю

Приехал к нам отец
Жена – говорю – доставай стопки
Старик промерз до костей
А на кой нам
закостеневший дед?

Дед потирает руки
что-то говорит о погодке
«не беспокойся душа моя
я не голодный»
на цыпочках подходит к кроватке
в кроватке длинная подушка
на длинной подушке внук
стук стук стук
Янек открывает серые глазки
попискивает может здоровается

На столе засветился самогон
«сам огонь» говорит дед
и садится за стол
первая вторая третья
постепенно тепло разошлось
какие-то льдинки растаяли
три по три дед считает
и добавляет
«конь о четырех ногах»
и еще
«о четырех углах хата а печь пята»
после пятой дед
песню заводит
«мужики богаты
ни у кого нет хаты...»
потом молодость вспомнил
родное село
да чужие края
о том как в Петербурге был
как в Сибири в юртах жил
с киргизами кумыс пил
как хотел стать органистом
и еще о чертях о замужних молодках
о ксендзовых экономках

пышных и белых как голубки
что сами летели прямо в руки

Деду седьмой десяток стукнул
не ему стукнул а сам он стукнул
словно палочкой пристукнул
говорит
«так вот потихоньку всю жизнь
тянет человек свою лямку»

Потом снова по кроватке стукает
берет внука на руки
что-то мурлычет
гукает
в серые глазки целует
показывает дым над трубой
в окошке

Потом собирается в обратный путь
все мы деда целуем
на праздники приглашаем
Жена говорит
«сказал бы ты Ясь что-нибудь деду
хоть первое людское словечко»

Ясь на подушке
головкой кивает
1954

ГЛИНЯНЫЕ ПТИЦЫ

Мальчик сидит под оградой
птичка в теплых губах
распевает

рядом другой мальчуган
его птичка молчит

Начинает накрапывать дождь
мальчуганы спешат
под белые тополи

в темных шарах омелы
вспыхивают и гаснут
капли дождя

«а у нас на обед вареники
с черносливом»
«а я видел слона»
разговор их увлекает

дождь шепчется с листьями

в это время ученые
готовят мальчуганам
сюрприз

новый красивый
металлический месяц
привешивают к небу
1955

Пять поэм
Стихи 1948–1949 годов

КОСИЧКА

Когда всех женщин из транспорта
остригли
их волосы
четыре работника
замели липовыми вениками
и собрали в кучу

За чистыми витринами
лежат недвижные волосы
задушенных в газовых камерах
в тех волосах шпильки
и костяные гребни

Свет их не просвечивает
ветер их не треплет
ни дождь ни ладонь ни губы
не прикасаются к ним

В огромных витринах
клубятся сухие волосы
задушенных
и серенькая
косичка мышиный хвостик

с бантиком
которую дергали в школе
невежливые мальчики

Музей в Освенциме, 1948

ИЗБИЕНИЕ ДЕТЕЙ

Дети кричали: «Мама!
Я же ведь был послушным!
Темно здесь! Мама!»

Видите их Идут на дно
Видите маленькие ступни
пошли на дно Вы видите
этот след
Маленькие ножки тут и там

В карманах
веревочки и камни
и маленькие проволочные лошадки

Большая равнина
замкнутая как геометрическая фигура
и дерево из черного дыма
вертикальное
мертвое дерево
без звезды в кроне.

Музей в Освенциме, 1948

НОВОЕ СОЛНЦЕ

Я слышу кто-то царапается
Это старушка царапает
ногтями стену
и кашляет как зверек

Вот я иду к ней
и сажусь за круглый столик
а она вызывает духов
попивая из блюдца чаек
как птичка
маленькими глотками

На этажерке – господа
с бородками
«jenseits von Gut und Böse»[1]
последняя четверть XIX века

Она трясет
сухонькой головкой
и рассказывает о Венеции
о Флоренции о солнце Италии

Я баронесса
Это конец света
теперь выдумали новые звезды
и новое солнце
– она говорит –
и слезы застилают ей глаза.

ОТВЕТ

Человек, будь щедр,
Благороден и добр!

Гёте

Чего от меня надо
поэзии
Аскетизма
самоотречения грусти

[1] По ту сторону добра и зла (*нем*).

Чтобы шел я сквозь толпы
как сквозь воздух

Если поэзии надо
самоотречения аскетизма
грусти
и страха
брось ее

Разве любовь к жене
любовь к ребенку
которому я покупаю
костюмчик
забота о маме
разве эти человеческие чувства
поэзию убивают

Создай другую
которая строит
из чувств повседневных
слов обычных

Пусть лишит человека
всего что в нем от зверя и бога

Должен ли я ночью
уйти из дома
во время бури
и умирать на глухом разъезде
где кондуктор громогласно объявляет
названия незнакомых станций

Смотрю на мой город
на столбы дыма
над плоскими крышами зданий

Вижу полосатые от пожаров
бока терриконов
вижу черные трудовые будни
которые громоздятся
в чистые кристаллы планов

в освещенных окнах: Люди
люблю их
раздаю им глаза рот руки
и получаю взамен

Ибо каждый хочет коснуться
доброй руки другого человека
и плачет ночами.

ГОЛОСА

I

Было столько слов равнодушных
и резких
и на лицах только гримаса

День
прожить нам теперь труднее
чем родителям нашим
страх и рознь
жизнь выхлебываемая наспех

сторгнутые наземь недозрелые
с открытыми ртами
мы истекаем кровью

И не было поры цветенья.

II

Были рознь и ненависть
взаимная неприязнь и гримаса
был глухой закоулок
и плоские лица стен
рябые от залпа

вытолкнутые из телячьих вагонов
стадо которое гонят пинками
и рыком
а вокруг только лапы псов
лапы псов
лапы псов

Я знаю что не должен так
я знаю знаю
и все же
если друг протягивает руку
заслоняюсь как от удара
заслоняюсь от жеста дружбы
заслоняюсь от нежности нежданной.

III

«Иссохшими голосами
мы шепчем шуршим чуть слышно
без шума и без смысла
как ветер в сухой траве
как крысиные лапки на битом стекле
в нашем сухом подвале...»

Поэты что жизнь отмеряют по чайной ложке
подобны одежкам птиц
и меховым одежкам зверушек

лоснятся их шкурки
и с них как с гуся
вода

когда закрываются двери
там внутри будто гипсовые фигуры
с приторными улыбками идиотов
разлагольствуют «истина? что есть истина?»
возводят очи к небу
пожимают плечами

а ведь у этих божьих тварей
по два языка
два обличья
и нутро с искусственными потрохами
и вертятся вертятся на позвоночниках
вращают плоские лица на позвоночниках
ветер дует и дует

плотно сжимаю веки

слышу писк вижу бегающие глазки
мягкие мордочки тычутся
в мое сердце

1948

Время, которое грядет
Стихи 1950 года

ПРОВОЖАЮ ГЛАЗАМИ

Тучи ходят над домом
где течет моя жизнь

черные ворча переваливаются
над землей
светлые ускользают
бесследно беззвучно

В жизнь врастаю корнями
все шире и глубже
и невечный провожаю тучи
глазами
и еще сильнее люблю эту землю
истоптанную людскими подошвами

ОБЕЩАНИЕ

Я отберу это у прошлого

Я человек затоптанный на войне
как трава

я промерзший
как подземелья костелов
я окоп засыпанный воспоминаньями
одно лежит на другом

Я создам для вас новую картину
заполненную жизнью и теплом

Вы не знаете нашей смерти
не прячете в коре мозга
темных извилин
вы дети мои
с солнечными лицами

Для вас я промолчу
в майском поле
Мы взялись за руки
трава колет ноги
цветы смотрят ясным взглядом

Я отберу это у прошлого

Я ШЕЛ ПО НОВОМУ СВЯТУ

Я шел
по Новому Святу
снег летел снег кружился
дома были белые-белые
золотистые
как если б кто их окрасил
раствором солнца

Рядом
свежая кладка
стена кирпича нагого

пахнет горько и терпко
не сравнишь
этот запах
ни с травой ни с цветами

ОТКРЫТИЕ ПЕРВОНАЧАЛЬНЫХ КРАСОК В АЛТАРЕ ВИТА СТВОША

Он был занесен илом
красок которые не содержали
света и жизни

Из глубины веков проступили
первоначальные краски
такие живые
словно подручные мастера
только что вынесли алтарь
на весеннее солнце

Выделились фигуры
блеснули рубин смарагд злато
и кровь оживила румянцем
лица апостолов

ПЕЙЗАЖ

После грозы внезапной как удар бича
снова в травах
плавится свет

Красные волы
в прямоугольном ярме
тащатся по дороге

Ходят волнами
желтоватые хлеба

Полем вольно
идут люди с работы

На горизонте черные дымы
стоят над городом
где прежде была пустота

НЕ СМЕЮ

Опустошенный
словом и смехом
разбитый
мелкими чувствами и делами
полулюбовью
и полугневом
я шепчу
когда надо кричать

Вы знаете
голос мой как тростник
ломается в сухой гортани
стихи что писал я когда-то
опадают с меня
о новых не смею еще и мечтать
о новой поэзии
которую
можно предчувствовать
лишь в минуту великого счастья

Стихи и картины
Стихи 1951-1952 годов

ПОЭТИКА

I

Звучит без фальши
песня поэта
который служит
доброму делу

Он минует кладбища
слов и метафор
реквизиты и школы обходит
чтоб трогать сердца и предметы
ищет простые слова

Без любви
рассыпаются фразы
без любви наша песня
подобна жужжанью жуков
подобна яблоку из воска
подобна скрежету жести
подобна выкрикам пьяных
подобна молчанью предметов

Песнь без любви
мертва
от нее отвернется народ
безразлично и хмуро

II

Я думал
слова невесомы
как пух
блестящи как шелк
круглы как девичьи колени
беспечны как птичий щебет
я думал
они послушно
являются
только кликни
и можно из них сложить
образ наполненный смыслом
скрывающий столько сокровищ

Были у меня
слова разлуки
слова проклятья
а потом пришли слова любви
А после я видел
на тюремных стенах
нацарапанные
слова надежды
И все имели
глубокий смысл
Среди этих слов не встречалось
ни сравнений ни аллегорий
ни гипербол ни звучных метафор

Но была в них сила убежденья
сила поэзии
жизнь

1951

ДЖЕНДЕРАН

I. ГОЛОС НАЕМНИКА

Я убил человека
Разнес на куски гранатой
штыком пропорол ему горло
раскроил ему череп лопатой
и торчали из мяса белые кости
я убил темнокожего
я убил его женщину
и отнял у нее тепло
тепло любви и плоти
Каучук и олово
стратегическое сырье
Я представитель фирмы
Харрисон энд Кроссфилд
и Томас Барлоу
Я не чувствую и не мыслю
я выполняю приказ
убиваю
Убиваю ночью и днем
тех кто спит и тех кто работает
убиваю цветущих мужчин
еще не давших плодов
а потом стариков
Я выполняю приказ
я марширую
я марширую

очищаю винтовочный ствол от нагара
а штык от багровых пятен

II. ДЖЕНДЕРАН – ГОРОДОК
ИСЧЕЗНУВШИЙ С КАРТЫ МАЛАЙИ

У людей не осталось
крыши над головой
люди робко смотрят
друг другу в глаза
С лица земли
исчез Джендеран
Померкло солнце
в каучуковых чащах
На ветвях тяжелеют
отсеченные головы
Над городом больше
не вьются дымки
Город стерт
наемным солдатом
город исчез
ничего не осталось
ни домов ни скота
ни убогих утех
Нету больше ни маленькой школы
ни птичьей лавки
с потешной вывеской
и крикливого нищего нет
С лица земли
исчез Джендеран
Но мираж городка обозначенный четко
реет в воздухе передо мною
но проступают улицы четко
и дороги скрученные от зноя
бурлят потоки

в сточных канавах
и дети пускают по грязной воде
кораблики с белыми парусами
С лица земли
исчез Джендеран

Но реет передо мной
Джендеран
в дрожащем от зноя воздухе
Вьются дымки над домами
над опаленной землей
над радостями убогими
и над потоком слов
я вижу восходит луна
и вижу влюбленных они
губы прижав к губам
друг другу дарят тепло
Я вижу листья деревьев ветвистых
в прожилочках серебристых
Джендеран дышит
живет Джендеран
Только вот лист почернел
и свернулся от жара в трубку
и как жесть загремел когда
с ветки вспорхнула птица
мальчишки на слое пепла
пишут какое-то слово
а пепел разносит ветром

III. ГОРОДОК ДЖЕНДЕРАН

С лица земли
исчез Джендеран
а что это слово значит
так называют растенье

или отблеск огня
на трепетных листьях
а может быть так называют
беспризорных подростков
которых не ищут родные
можно назвать Джендераном
и какой-нибудь цирк бродячий
который в полдень причалил к окраине
чтобы утром снова исчезнуть
а может быть это птица
та что сидит на ветке

Джендеран то ли это листок
Джендеран то ли это подросток
то ли это крыло перелетной птицы
то ли бродячий цирк
С лица земли
исчез Джендеран
То ли это родник
Джендеран
который исчез под скалой
то ли бабочка-однодневка
Джендеран то ли это девушка
пробежавшая через рощу
Джендеран Джендеран
то ли тьма то ли свет
то ли улыбка то ли слеза
В каучуковых рощах
посеяли головы
отсеченные черные головы
молчащие уста
В оловянных рудниках
посеяли черные головы
молчащие уста
Посеяли черные головы
на страх свободе

Но это молчанье
говорит о ней

ПРИКЛЮЧЕНИЯ ДОН КИХОТА ЛАМАНЧСКОГО

Фрагмент

I

Выехал на луг
зелено вокруг
за зубчатыми лесами
стоит солнце под небесами
а на небе горы
на горах великаны
почему-то их люди
зовут ветряками

II

Дон Кихот:

Вперед вперед

Со скрежетом
прут на меня скелеты
шепчутся шумят очереты
манят молочно-румяные дамы
Сладкая мадонна смилуйся над нами

Хор:

Рыцарь гонится за поросями

Дон Кихот:

Вижу
косматыми бородищами заросшие шеи
добрым людям грозятся злодеи

Хор:

Над дорогой пыли летят караваны
идут пастухи овцы бараны

Дон Кихот:

Слава господу и Марии
даю своему скакуну шпоры
в небо взлетаю
в небо стреляю дубом
врассыпную шиши
растревоженной стаей
а я еду еду
на дубе зеленом

Вперед вперед

Хор:

Гляньте кляча по земле волочится брюхом
помолимся за нищих духом

Дон Кихот:

Идут идут
наваливаются на меня
черные тучи великаны
Вспрыгну
ударю
копьем
Иисус Мария Дульцинея

Хор:

Гляньте на дурака
крылом получил по башке
и кляче его досталося с пылу

О вот он поднялся
стоит на ногах
держит за хвост кобылу

III

Люди хохочут
и проходят мимо
у них мастерские дома и родня
Из труб столбы дыма
на исходе дня

1941–1951

СВИДЕТЕЛЬ

Я здесь ты знаешь
но лучше ко мне
не заходи без стука

не то увидишь как я
сижу и молчу
над белой бумагой

Разве могу я
писать о любви
все еще слыша крики
поруганных и убитых
и разве могу я
писать о смерти
завороженный глазенками
детишек

Лучше ко мне
не входи без стука

чтоб не смутить безъязыкого
растерянного свидетеля
любви
которую побеждает смерть

БЫЛ ЯНВАРЬ

I

Был январь сорок пятого года
лежали в канавах солдатские трупы
под стеклянным покровом прозрачного льда
и черными пятнами кровь
на посеревших застыла мундирах

Морозный восток
выплюнул ночью из чрева
мертвецов и живых
на пряжках их поясов
было начертано
Gott mit uns

Из ночи морозной
медленно выплыл
кровавый рассвет

Жандарм
что мать мою бил по лицу
в канаве лежал без лица
с головой как орех
расколотой танком
и с ногою в колене согнутой так
как будто хотел он от смерти бежать

Несметную армию трупов
выплюнул грозный восток
январскою ночью

II

Был январь сорок пятого года
Гремели орудия все сотрясая
и дом наш дрожал словно лист
И в час предрассветный
вступили в наш дом
солдаты
Советской страны

Недолго у нас простояли
оружие чистили
и пели солдатские песни
и матери все помогали по дому
и мамой ее называли
и повторяли: не плачьте мамаша
не надо

Год за годом проходит
а я все вижу
улыбку ее
сквозь слезы

СТАРАЯ КРЕСТЬЯНКА ИДЕТ БЕРЕГОМ МОРЯ

Идет берегом моря
в чистом белом платке
волна бежит к ней
молодая и шумная как лужайка
через которую летела она
на свиданье

Старая крестьянка
идет берегом моря

Еще есть в ней усталость
и дрожанье
еще полна она суматохи
поездки
неонового света
лихорадочных движений
дыма над столиками
вздохов ночных
закрытых купе
холодных призывов репродукторов
вдоль дрожащих перронов

Приехала сюда на рассвете

На серебряных дюнах
в острых травах
в огнях розоватых
дрожали цветы назнакомые

Идет
на песке след ноги оставляя
Первая женщина
из далекой горной деревни
идет берегом моря

Волна след уносит
на песке оставляет
раковины
розовые внутри
водоросли морские
гниющие стебли
янтаря
погасшие капли

Идет
берегом моря
наклоняется
берет горсть воды
погружает лицо
на губах ощущает море
как слезы

*

В белом платке
завязанном под подбородком
с башмаками через плечо –
так ходят на ярмарку в город
сберегая кожу подметок –
идет

Столько лет шла она
через землю и воду
под громом градом
сквозь дождь и солнце
камни и травы
через тучи и землю
через ворота с большими щитами
через каменные костелы

полвека шла
к огромному морю
пока ее на берег
не вынесла новая власть
рабоче-крестьянская

Море вступает в небо
в небе-воде
чайка кричит
белая хохотунья
колыбелька на волнах

Старая крестьянка
идет берегом моря
поднимает раковину
слушает
улыбается
небу морю
себе

Такая раковина лежала
на комоде
среди цветов из бумаги
между изображеньями святых
и хрустальным шаром
в котором вечно падал
голубой снег
Старшие говорили
в раковине спрятано море
и глаза у детей блестели

*

Молодые которые на шумные волны
красный мяч бросали ловили
видели старую женщину
в белом платке

Глаза ее были прищурены
лицо
блестело под солнцем
как колос после дождя

Говорило огромное море

Это не море говорило немое
это раскрылись глаза старой женщины
дрогнули губы

1952

Равнина

1954

ПЕРВАЯ ЛЮБОВЬ

I

Мне было шестнадцать
я шел по парку
я к дереву лбом прижался
и плакал

Никто меня не обидел
в парке было так тихо
с чего ж я заплакал вдруг

Никто об этом не спрашивал
никому я не отвечал

Я бежал домой
я кричал
я голоден голоден
а был я влюблен

Смехом я дом наполнил
никто не полюбопытствовал
с чего я ору и пою

Я видел Марию мою
я видел Марию мою

Вижу Марию
Идет она в школу
в синем пальтишке
с голубой нашивкой

Идет она в майском солнце
в лучиках ливня
зыблющаяся в моей памяти
словно в дымке
и яснее становится
год от года
пока совсем не исчезнет.

II

Было мне восемнадцать
Я бежал через поле
в желтом сиянье
сентябрьского солнца
когда самолеты стали снижаться
упал я

О гнетущее это виденье
бездушного неба
я губами касался земли

Было мне восемнадцать
когда я впервые увидел
обнаженной Марию

Никогда описать не сумею
ее страха
последнего вздоха

застрявшего в легких
этот плач молодой еще жизни
дрожь девичьего тела
когда не любовь к нему приближалась
а смерть

Горячий воздух содрал с нее платье
она лежала в поле
нагая
в дыму и в крови
о руки мои опущенные
руки которые не прикасались
к телу ее живому
о воздетые к небу мои глаза

Убийца уже удалялся
серебрящийся и сверкающий
как игла прошивающий небеса
нереальный

Она лежала раздетая
огнем и рычащим воздухом
лежала под заходящим
пожолкнувшим солнцем
в центре дымящегося горизонта
где-то в средине
первого дня войны
эти ноги вытянувшиеся
вдоль бесконечных борозд
как мертвые белые ягнята.

III

О земля
ставшая легче на одно дыханье
мертвая и пустая.

IV

О слеза восемнадцатилетнего
на земле
под небом
слеза падающая в этот день
сквозь все времена
сквозь планеты и звезды
слеза пробивающая землю
и небо
падающая
на западные столицы
на улицы вечного города Рима
слеза летящая
сквозь темень ночную
сквозь берег лазурный
сквозь аромат апельсиновой рощи
слеза падающая
на волосы влюбленных
когда они сливаются
словно рек неведомых воды

Убийца удалялся
серебрящийся и сверкающий
ни имени не имеющий
ни лица ни сердца

И все-таки я успел приглядеться
и запомнить тех что его послали
убить Марию.

1953

Серебряный колос
Стихи 1954-1955 годов

ПРОСВЕТЛЕНИЕ

Яма
выкопанная как будто в солнце
в сухом светоносном
песке

Над краем ямы
стоял прохожий

Кусты и травы были прогреты зноем
птицы вокруг молчали
в душном букете полдня

В яме играли дети
яма пенилась гвалтом
кипела смехом
струйка песка
на дно текла

Человек который стоял над ямой
улыбнулся
и осторожно минуя
могилы заросшие цветами
вышел на дорогу

ехали возы по дороге
полные шипящих колосьев
а он себе шел спокойный
просветленный
исчезая на горизонте

ПОПЫТКА

Поэзия иногда
напоминает
ручонку младенца
она хотела бы все схватить

По вселенной
слепо шарит ручонка
судорожно сжимаясь

Тянется к яблоку
хочет схватить
его безупречные формы
но слабая
разжимает пальцы
и выпускает яблоко
большое тяжелое

ЛЮБОВЬ 1944

Беззащитные нагие
с устами на устах
с раскрытыми очами

вслушиваясь

плыли мы
по морю
слез и крови

ЗЕЛЕНЫЕ РОЗЫ ПОЭТА

Я видел как он
сеял ветер
он это делал прекрасно
как цветок
развеивающий семена

Уходя собирал не бурю
а охапки роз
они были зеленые

БЕЛОЕ ПЕРО

Белое перышко
черная ночь
красная кровь
небо и степь
песнь течет
течет вино

Окно корчмы
в окошке тень
блещет перышко
близок день
льется кровушка
а не вино

На виселицу королей

С весельем
легким перышком
писал
его в хмельную влагу
окуная

Для перьев же
тяжелых как топор
нужна была
тиранов
кровь дурная

Писал и кровью
и вином
скрипело перышко
гусиное
На виселицу королей

А если милой
песнь писал
перо как ласточка
взлетало

Он отрясал
и боль и гнев
окутан страстью
к ней спешил
чтоб молча к сердцу
притулиться

Перо скрипело
ночью черной
На виселицу королей

Перо пылало
ночью красной
На виселицу королей

Есть неизвестная
могила
там в Шегешварской
стороне

Она лежит
в земле венгерской
в венгерском хлебе
и вине

1955

ОТЕЦ

Проходит сквозь сердце мое
старый отец
Он расчетливым не был
не складывал
зернышка к зернышку
не купил себе домика
и часов золотых не купил
ничего не скопил

Жил как птица
поющая
день за днем
но скажите
разве скромный чиновник
так может прожить
много лет

Он проходит сквозь сердце мое
мой отец
в старой шляпе
и веселый мотивчик
насвистывает
Он уверен
что рай обеспечен ему

1954

ПОПУГАЙ

В моем городишке
который бургомистр в котелке
мог весь обойти
с утра до обеда
в городишке
где многие годы
между собой говорили
что старая Шлоймина
родила младенца с головою карпа

по дворам ходили
точильщики старьевщики
попрошайки
музыканты цыгане
фокусники
китайцы с радужными шелками
упрятанными
в запертых сундучках

Порой во дворик
входил шарманщик

Сказочного цвета попугай
сияя изумрудным опереньем
лениво доставал
бумажную трубочку
со «счастьем»
а музыка все бравурней
заполняла небо и землю
хрипела
и замирала
в большом деревянном органчике

Мы с горящими лицами
лихорадочно

распечатывали наше «счастье»
колечко с фальшивым камешком

Шарманщик уносил
попугая и музыку

Но дивно изогнутый клюв
и когти
еще долго наполняли
наше детское
воображение

1954

НЕ ВЫСКАЖЕШЬ

Что ты пишешь
вышедший из тьмы
Ты не хочешь
жить при свете дня

Веки миллионов мертвецов
подняла
во мне война

Что ты сочиняешь
что возводишь
измазанный кровью

Слово сочиняю
возвожу время

Что так долго
труд бессолнечный
длится

Мне невыразимо тяжело
высказать
слезу

БЛУДНЫЙ СЫН

(*с картины Иеронима Босха*)

В промежутке
пока затворилась
и отворилась дверь
в харчевне
«Под белым лебедем»
пока отворилась
и затворилась дверь
чего только не было
столько весен
зим осеней пролетело

пока отворилась
и затворилась дверь
я увидел жизнь
с волчьей пастью
свиное рыло
под монашьим
капюшоном
распоротое брюхо мира
видел войны
на земле и в небе
видел распятых
которые никого не спасли
державу и скипетр
распавшиеся в руке

видел светопреставленье
и начало света
пока отворилась

и затворилась
дверь в харчевне
«Под белым лебедем»
видел землю
которая сквозь ливень
слез и крови
отсвечивала
трупным свечением
холодеющего тела

выпил я кружку пива
«Под белым лебедем»
паршивое здесь пиво
теплое пойло
бросил последний
истертый медяк
девка долго
его вертела
а вдруг фальшивый
мое лицо
рассматривала дотошно
вышел
по затертым чертам
никем не узнан
никем не признан
тот вон малый
за углом харчевни
ко мне спиной
это мой друг

в заплечном коробе
нет у меня гостинцев
не принесла удачи
кошачья шкурка
никто меня не приветит
никто не узнает

окрестный
мир без меня заполнен
дверь за мной затворила
Малгося
белая как нутро яблока
а отперла бабка
обвисшая образина

ведать никто не ведает
что я воротился
еще пробежит время
никто и не вспомнит
был я здесь или не был

птичка в клетке
над дверью
поет как заводная
а я там на чужбине
все ночи выплакивал очи
чаял
что каждый дом
мне распахнет объятия
каждая ветка
птица камень
выбегут навстречу

не войду
в этот дом
все здесь ветхо
грязно невзрачно
старей грязней
и меньше меня
а я мечтал
о родимом гнезде
о звезде
ведь это была
моя путевая звезда

в скитаньях сквозь ночь
пепел
пылание мира

сбежать запропасть
чтоб меня не узнала
эта старая ведьма
что следит из окошка
«Белого лебедя»

думал что место мое
здесь меня ожидает
но вижу
что не было места
думал пустое место
после меня осталось
но жизнь
как вода
его захватила
и я словно камень
брошенный в глубины
я на дне
есмь я таков
словно меня не бывало

те кто
спасаясь
остались на месте
и вокруг себя
хлопотали прилежно
думают
что незаменимы
в этом застолье
думают что даже солнце
едва взойдет
на них только смотрит

это я ушел
а они остались
в харчевне
«Под белым лебедем»
уже их не вижу
уже и я им не виден
и я поспешаю
все дальше и дальше

возвращаться не надо

1955

ТАНК–ПАМЯТНИК

Танк
Бронированный череп
на постаменте гранитном
в память людей сгоревших
в тихом уютном сквере

Любите цветы и зелень

Здесь вот во время боя
из бронированной башни
вырвалось пламя живое
и крича
угасало

Розы пылают
рощи
в тишь золотую одеты
сияют названия улиц
которые мы возвели

Любите цветы и зелень

И чтите живое пламя
угасшее юным и чистым
за счастье этой земли

1954

УДАЛОСЬ

Янеку год
ходит на четвереньках
однажды
смотрю
а он
стоит на двух ножках

«Ну–думаю с облегченьем–
снова нашему старому человечеству
удался этот фокус»

МАЛЬЧИК В КРАСНОЙ КОНФЕДЕРАТКЕ

Все дети играют
во дворе своего дома
с непокрытыми головами
только один мальчик
бегает в красной конфедератке
с зеленой звездою

Его мать
выглянула из окошка и кричит
«Сними ее
слышь
будь как все дети»

КАМЕННЫЕ БРАТЬЯ

«Liegen und Ruhen
in einer Gruft
Unter diesem Stein»[1]
гласят готические
острые как мечи буквы

В соборе святого Иакова
в Нысе

Двое мраморных братьев
два мальчика
Иоганн и Фридрих
умерли в апреле и в мае
лет тому уже триста

стоят в этой нише
к стене прислонившись
держась за холодные руки друг друга

Страшный был грохот
когда обрушился город
в полночь выли сирены
было светло
и ало
будто вся кровь людская
хлынула затопляя
русла улиц

Колокол рухнул
с треснувшей колокольни

---

[1] «Лежат и Покоятся
в гробнице
Под этим Камнем» (*нем.*).

собора святого Иакова
и языка лишился
дети задыхались в подвалах
старая торговая площадь
пылала как уголь
горько дымилась
погасла

Иоганну было десять
Фридриху четыре
умерли в апреле и в мае
гласят готические
острые как мечи буквы
смотрят маленькие братья
на обрушившиеся стены
на гигантские перемены
в мире

Открытая поэма
Стихи 1955-1957 годов

ЗАВЕСЫ

I

Шумливое сплетенье голосов
вокруг людей вокруг предметов

слова они как тонкие завесы
которые спадают
в тишине
и проступают краски
и очертанья

завеса детства
соткана из многих солнц
из ручейков и птиц и из деревьев
из рук и жестов
и из губ и слов
она спадает

завеса молодости
стаи черных туч
слетаются над тихими полями
кровь по лицу земли стекает
и брезжится зеленая надежда

II

Завеса детства

руки полные любви
ткут первую завесу
руки матери
и хлеб и молоко даруют
огонь творят из дерева
и первый свет в глаза струится

завеса детства
первая елка
снег первый
огонь вода земля и небо
и страха круглые глаза
завеса детства
медведь танцующий вприсядку
играющие на бутылках псы
носы из красного папье-маше
и смерть с косой
и скоморох
пронзенный шпагой

слова они как тонкие завесы
которые спадают в тишине

III

Завеса молодости
молнии и тучи
хрустальные хребты
и замки снежные
и пляшущие красные сердца
и головы горячие как пламя

открылся мир

медные лбы
разбитые сердца
поруганная честь
зловонное болото

продажная любовь
шут на престоле
и лес что двинулся
в огонь в огонь пошел

и стаи черных туч
кружатся над умолкшими полями
и входит в сердце острое ребро
а сердце бьется
кровь по лицу земли стекает
но брезжится надежда
она рождает жизнь
разорванная от земли до неба
спадает
молодости пелена

Ноябрь 1954 – октябрь 1955

ХЛЕБ

Хлеб
что живит и восхищает
пресуществляясь в кровь народа

поэзия Мицкевича

сто лет
питает нас все тот же хлеб
силою чувства утысячеренный

1955

ТЕЛО

Я вынес мое тело
из голода огня и войны
склоняясь над ним
я следил за каждым его движеньем

Я отрекся от самого себя
я сохранил тело

Вот оно слепое и чуждое мне существо
легкомысленный смогу ли нести
такое бремя

ПОЖЕЛАНИЯ

Старичок огляделся робко
быстро неловко
схватил окурок
брошенный на тротуар
юношей который идет себе
дальше

Пускай бы на тебя старик
посыпался дождь египетских папирос
и ароматных сигар

Желаю тебе чтоб мир
который обрубает тебя каждое утро
острым ножом
и оставляет как кость

чтобы этот мир
принял для тебя форму
теплого туфля

1954

7–445

ЗОЛОТЫЕ ГОРЫ

Первый раз
я увидел горы
двадцатишестилетним
парнем

Не кричал я
и не смеялся
шепотом говорил
перед ними

А возвратившись домой
хотел я
матери рассказать
про горы

Трудно рассказывать было
ночью
все не такое
слова и горы

Мать молчала
может уснула
намаявшись за день

В тучах
уже поднимался месяц
эта гора золотая
бедных

1955

КОЛОДКИ

Памяти умершего во Франции
художника Тадеуша Маковского

Чьи это колодки
чьи это колодки
кому шьет сапожки
на таких колодках
старый швец

для ангелов лазурных
для пчел ажурных
для черных трубочистов
для палачей пурпурных

врос в столик
как нарост в дуб
под столиком
то ли бутылочка то ли ангел
светлое горлышко

потянет глоток
колодки стронутся вдруг
потянет другой
колодки в двери стук
потянет третий
а вокруг птицы и дети

ГОРОДОК

Осень
дожди за окнами пролетают
лопаются каштаны
подскакивают
мальчики бегут из школы

с веселым криком
разбивают воду

аисты улетели
лишь воробей
нахохленный черный
как маленький трубочист
ждет крошек
хлеба солнца

вечером по улицам
волочатся туманы

человек какой-то
шагает
по земному шару
с головой находящейся
во вселенной

мальчики
не собирают в бутылки
серебряных ящериц
и головастиков черных

девочки не плетут венков
из золотого жабника
и голубых незабудок

идет зима

1955

В ЦЕНТРЕ ЖИЗНИ

После конца мира
после смерти
я очутился в центре жизни

сотворял себя
создавал жизнь
людей зверей пейзажи

это стол говорил я
это стол
на столе лежат хлеб и нож
нож служит для резанья хлеба
хлеб едят люди

днем и ночью я учил
что человека нужно любить
что нужно любить
я отвечал человека

это окно говорил я
это окно
за окном сад
в саду вижу яблоню
яблоня цветет
цветы опадают
завязывается плод
созревает

мой отец срывает яблоко
тот человек который срывает яблоко
это мой отец
я сидел на пороге дома

эта старушка
которая тащит на веревке козу
необходимее
всех семи чудес света
кто думает и чувствует
что она не нужна
тот палач

это человек
это дерево это хлеб

люди едят чтобы жить
повторял я себе
человеческая жизнь важна
человеческая жизнь имеет огромное
значение

ценность жизни
превышает ценность всех предметов
которые создал человек
человек великое сокровище
повторял я упрямо

это вода говорил я
гладил рукою волны
и разговаривал с рекою
вода говорил я
добрая вода
это я

человек обращался к воде
обращался к луне
к цветам дождю
обращался к земле
к птицам
к небу

небо молчало
земля молчала
если слышался голос
который шел
от земли воды и неба
это был голос другого человека

1955

Формы

1958

ФОРМЫ

Формы когда-то так отлично вышколенные
послушные всегда готовые принять
поэтизированную мертвую материю
испугавшись огня и запаха крови
выскочили и разбежались

они бросаются на своего создателя
растерзывают волокут
по длинным улицам
по которым давно уже промаршировали
все оркестры школы и процессии

еще живое дышащее мясо
сочащееся кровью
вот пища
этих совершенных форм

они сбегаются так тесно над добычей
что даже молчанье не проникает
наружу

Декабрь 1956

КОРОЛЬ

В одиночестве
когда поставят перед ним
миску с едой
мурлычет дрожит
облизывается

оголтелый мешок костей

ты господин творенья
– говорю ему –
лев жмурит глаза
когда посмотришь
ты господин мира

ты Сократ Юлий Цезарь
Колумб Шекспир
ты создал сонет разложил атом
воздвиг крематории
вознес собор Нотр-Дам

ты отверз пасти
каменных химер
неважно что сейчас
смеются они
надо мной над тобой

он с косточкой в пасти
убегает
а я за ним и кричу

ты господин творенья
король
и собор

1957

БАШНЯ

Это тело которое на себе она носит
которое укладывает в постель уставшее за день
в которое вводят металлические инструменты
это печальное тело дрожащее как собачонка
под слишком большим небом
это веселое тело которое так легко танцевало
которое имело драгоценные глаза в голове и губы
которое говорило

эта кожа по которой гуляло солнце
стекали ливни
эта торжественная тишина кожи
натянутая над нами как палатка

Это тело которое никогда мне не принадлежало
ибо интересовалось только собою
это тело одно ходит по далекому чужому
городу садится на скамью отдыхает
равнодушное к нашим
желаниям
глухое

не бросай это тело с высокой башни
не взрезай ему вены
не вешай его на веревке
не крась его зеленой черной краской

Оно возвращается не познав благодати
к своей праматери
в землю

Лето 1956

ДВЕРИ

Каменщики окончив работу
оставили этот проем в стене
порой мне кажется
что жилище мое чересчур условно
слишком легко сюда входит
каждый кто хочет

Если бы каменщики не оставили
этого проема в стене
я был бы отшельником

но к сожалению

я трачу время
входя выходя входя
теперь мне вставили вращающиеся двери
в эти двери входят
разные будничные дела

ни разу в них не вошла
цветущая яблонька
или молоденький жеребеночек
с влажным взглядом
или звезда или золотой улей
или ручей с живыми рыбешками
и желтыми лютиками

и все же не замурую двери
может быть станет в дверях
добрый человек
и скажет мне кто я

ВЕЧНО СПЕША

Он сидел и читал
был воскресный полдень
в безвестном местечке
Центральной Европы

на том полушарии
было темно
и два человека ждали
вынесения приговора

а здесь в час дня
было совсем светло
где-то вдали прогудел паровоз
и тут он почувствовал
надо решаться
надо на что-то решаться
пора
он прождал уже двадцать лет
и знал что пора выбирать
сейчас или никогда
и попытался подняться

и еще попытался припомнить
зачем это надо
но чем сильнее старался
тем больше терял надежду

другие люди быстро двигались мимо
рождались и умирали вечно спеша

Декабрь 1956

Я РЕАЛИСТ

Сейчас все ждут почтальона

Младший сынишка держит в руке улитку
кричит «улитка улитка высуни рожки»
старший семилетний
стоит с озадаченным видом
и говорит
«но ангелы же бывают папочка»
мать готовит ячменный кофе
«как у меня волосы сыплются
– говорит она –
надо бы отцу купить чехол на подушку
каждое утро старик
весь в перьях»

Я беру со стола яблоко
иду к себе в кабинет
буду писать конкретные вещи
я работаю вот уже двадцать лет
над одним стихотвореньем

я реалист и материалист
лишь от усталости временами
глаза прикрываю

1957

ПИСЬМО ЛЮДОЕДАМ

Милые людоеды
не глядите волком
на человека
который просит
место в купе

поймите
ведь у других тоже
имеются ноги и зад

Милые людоеды
погодите минутку
не топчите слабых
не скальте зубы

поймите
много на свете людей а станет больше
потеснитесь немного
дайте место

Милые людоеды
умоляю вас не скупайте
всех пуговиц всех свечей макарон
не бубните отворотившись
я мне мой мое
мой желудок моя рубаха
мой башмак мои брюки
жена моя дети мои
мое мненье

Милые людоеды
не ешьте нас Ладно
ведь вам же известно что мертвые
не воскресают

1957

Разговор с принцем

1960

ОБОСНОВАНИЕ

Ю. П.

Вещь
событие

лишь изолированное
замкнутое отсеченное
становится ясным
четким
выразительным и приближенным
не к «правде»
но к себе

начинает существованье
в первоначальной форме
вернее без формы
ибо форма это то что
выброшено наружу

знаю
ничто не желает
быть сравниваемо ни с чем

чтоб показать себя
выразить ярче
или красивее

1958

ВОЗВРАЩЕНИЕ

Есть стихи у меня
с которыми я не могу примириться
проходят года
и я с ними никак не могу примириться
и не в силах отречься от них
это плохие стихи но они мои
я их родил
они живут вдалеке от меня
безразличные мертвые
но настанет мгновенье когда
все они сбегутся ко мне
удачные и неудачные
калеки и совершенства
отвергнутые
осмеянные
сбегутся вместе

ВЫХОД

Я
упрям
и податлив в этом упрямстве
как воск
только так я могу
стать оттиском мира

СТРАХ

Ваш страх огромный
метафизичный
мой мелкий чиновник
с портфелем

с картотекой
с анкетой
где родился
чем занимаюсь
чего не сделал
во что не верю

цель приезда
когда перестану притворяться
куда потом
уеду

ПРИВЕТЛИВОСТЬ

Земля шевелилась
ворочалась как огромный крот
полна
живьем погребенных

я слушаю твои слова
воспоминанья

я смотрю на живот
твоей женщины
в котором шевельнулся
ребенок

сорвавшиеся с петли
мы улыбаемся друг другу
приветливо и добродушно

ПАМЯТНИКИ

Наши памятники
двоесмысленны
имеют форму яра

наши памятники
имеют форму
слезы

наши памятники
возводил под землей
крот

наши памятники
имеют форму дыма
восходят прямо к небу

1958

ЛИРА ЛЕОПОЛЬДА СТАФФА

Когда к ней любовь
прикоснется
засветится вся
мгновенно

А ежели
зложелатель
она превратится
в полено

Когда дитя
ее тронет
она отзовется
эхом

8-445

А если кто
полон яду
того обойдет
со смехом

ДОПОЛНЕНИЕ

Одной стороной
повернут я к людям
и хотя она затерта
захватана искажена
она все же дает обо мне
некоторое представленье

другая моя сторона
которая никому не известна
которая никогда не увидит
света дневного
к которой при жизни моей и посмертно
не прикоснется никто

та другая моя сторона
мне одному знакома
прячется до поры
но потом проступает
на открытую сторону
и там с ней встречаются люди

удивленные люди
смеющиеся люди
пораженные люди

восклицают

откуда все это взялось у него
это все так на него непохоже
это совсем другой человек

в знакомом обличье
проступает новый двузначный образ
проступил
и дополнил

УГОВОРЫ

Не бойся
ты у себя
вот видишь стол а тут шкаф
яблоко на столе
не бойся мебели
глупенькая
тот человек уже не вернется

Боишься стула
ручки старой газеты
к чему на себя напускать
прикидываться
чудачить

Ну улыбнись
тот человек уже не вернется
погляди нам в глаза
не забивайся в угол
не становись к стене
никто тебе не велит
становиться к стене

слышишь

Зима 1958

ОН ТАК ЗАМАСКИРОВАН

Он так замаскирован
что едва окрашивает
предметы
людей
пейзажи

Однажды
(когда не знаю)
он начнет сливаться
в одно
в один предмет
одно место
одно лицо

надо уметь различать их

первый
примитивный
использует
карательные отряды
знамена и мундиры
нападает на армии народы стада животных

второй же
такой деликатный
замаскированный напоминает отчасти
любовь
отчасти детские игры

внедряется в голос
который за дверью
неразборчиво называет
твою фамилию имя
а может быть совершенно
другую фамилию другое имя

охотно гнездится
в закрытых залах
в конвертах картотеках
в железнодорожных билетах
объявлениях и манифестах

он терпелив и вынослив

он сжимает со всех сторон
когда начнешь задыхаться
тогда разжимает
руки
да у него есть руки
можешь перевести дыхание
поговорить с ребенком
но только ребенок
подаст тебе руку
и ты думаешь что выйдешь
тут он тебя задержит
в тот день он применил повестку
открытка пролежала
несколько дней
в других бумагах

среди белого дня в доме
где вокруг люди
добродушные милые люди
перед обедом
он на меня навалился
последовали удары
в живот
в горло
в затылок и еще раз в затылок
достаточно было мне крикнуть

открыть дверь
но у меня нарушились речь и дыхание
когда он разжал свои руки
я уже падал

НОВЫЕ СРАВНЕНИЯ

С чем сравнишь
день
с ночью
с чем сравнишь
яблоко
с королевством
с чем сравнишь
тело
ночью
тишину
между ртами
между
с чем сравнишь глаз
руку во мраке
правую с левой
зубы язык губы
поцелуи
с чем сравнишь
бедра
волосы
пальцы руки
вдох
молчанье
поэзию
в свете дня
ночью

ЧУЖОЙ

Это чужой
чего он хочет
кого он ищет
это незнакомый
должно быть заблудился
а может обознался
говорит что нас ищет
но не знает фамилий
кого вам надо
такой здесь не проживает
это какой-то пьяный
может умалишенный
долдонит упрямо
что именно нас ищет
но мы-то его не знаем
откуда он взялся

Нет мне ходу
в дом ваш
в квартиру
говорите
что со мной не знакомы
что я чужой
смотрите с удивленьем
и даже с каким-то испугом

Именно вас ищу
в городе этом огромном
который растет
разбухает
Вас ищу
на острове этом
безлюдном
я не ошибся

это вы
ближние мои
люди

можно остаться с вами
на день один на ночь
я человек
я не чужой
вы на меня глядите
в дверной глазок
не снимая цепочки
сквозь запертые двери

я пришел к вам усталый
дайте мне сесть к столу
мы же с вами знакомы
от рождества Христова
я очень очень устал
я должен вам рассказать
о себе о вас
я хочу вам сказать
тайны нет и не будет
не ждите

Зеленая роза

1961

БОРЬБА С АНГЕЛОМ

Тень крыльев росла
ангел запел загнусавил
а влажные его ноздри
касались
моих очей уст
боролись мы на земле
на грудах грязных газет
на свалке нечистот
где кровь слюна желчь
смешаны были с навозом
слов

тень крыльев росла
а было тех крыльев
два
от уха до уха гигантские
розовые
с обеих сторон головы
среди туч
наши испражненья покрыли
поле брани
наконец он меня одолел

оплел ослепил обслюнявил
словесами
и с ликующим пустозвонством
возносился в небо поэзии
я ухватил его за ногу
он упал на мою свалку
у этих стен
здесь я и есть
человекообразное созданье
с выпученными на свет
глазами
1959

«BOCCA DELLA VERITA»

Уста истины
отверстие в каменном круге
отверстие в пустоте

камень который
объял безмолвье
округлой твердью

камень с устами истины
сочится из них молчанье
воздух слюна кровь

выплевывает зубы

в отполированное гладкое отверстие
девушка вся кипящая смехом
с головы
серебряной светло-ореховой
и голубой
до ног

на черных шпильках
вкладывает в уста истины
руку
белую теплую

не отвалилась рука
этой невинной обманщицы
хохотушки
не было там политиков
священников учителей поэтов
уста истины
отверстие в каменном круге
черный язык
вывалившийся из уст
повешенного

ЗЕЛЕНАЯ РОЗА

...розан алый вышила зеленым...

I

Большие города
растут
перенаселенные
вымирают
прилив
и отлив
косяки людей
так близко возле
бок о бок
что виден процесс распада
по обрывкам фраз
разбросанных
тут и там

можно себе представить их сущность
но в рое
без матки
начинаем жить все более одиноко
расстояние от человека до
возрастает под неоновым светом
в городах – гигантах
до крови тремся друг о друга
живем как на атолле
населенном немногочисленными существами
остаемся с горсткой близких
но и они уходят
каждый своей дорогой
берут с собой
пылесосы плохие картины
женщин младенцев
холодильники автомобили
определенный запас знаний
прах псевдонимы
какие-то остатки эстетических воззрений
поверий
что-то от бога
что-то от страсти
другие
уходят в свои пещеры
неся в зубах мясо
слабые остаются
за столиками у стоек
те кто еще слабее
опираются на тени слов
но слова эти так прозрачны
что сквозь них видна смерть
ничто
мы уходим
не спеша замкнувшись
и никто не признается что уходит

лучше не устраивать суматохи
ведь все живут вечно

помните
мы были открытыми
во время наибольшего гнета
чужие страдания и чужая радость
легко входили нам в души
ваша жизнь ко мне бежала
со всех сторон
теперь нас покрывает панцирь
только сквозь трещины
в лицах
можно что-то увидеть

II

Во мне есть
есть что-то такое
Нет не могу
передать вам
во мне что-то такое
что-то чего еще не бывало
и растет
нет не растет
подступает к горлу Нет
подступает оно неподвижно
оно меня наполняет Нет
не знаю точно
хорошо что забываю
но что это
говори яснее
может быть это любовь
нет это не страх
может быть это ненависть

идея да это пустое
Нет это не идея
это уже почти повсюду
или к тебе крадется
или идет открыто
или молчит или оно велеречиво
или оно далеко кричит истошно
о оно придет еще не скоро
да да
оно придет еще очень не скоро
правда скажи мне
что еще очень не скоро
но что скажи мне что
это уже во мне
здесь и здесь
и там
но этого во мне не было
да знаю не было
да знаю не было
а теперь оно уже в тебе
подступает к горлу
ничего не слышишь
ответь мне скорее
то что в тебе какое
черное или белое
незрячее или солнце
немое или взывает
не отвечаешь
скажи мне что оно придет не скоро
Нет
сказал что сбежишь
не отвечаешь
говори же
скажи
не можешь ответить
нет не боюсь потому что

я его никогда не видел
может быть нам переехать
хорошо сейчас же
в другое место
увидишь
что все будет отлично Нет
говоришь что нет другого
места что нельзя переехать
ничто не может заставить тебя ответить
отвечаю ничто в нас

1959–1960

БАНКОВСКИЙ СЕЙФ

Это банковский сейф
гладкая стальная спина
стенки как зеркала
спереди у него груди
с левого боку рука

два
отверстия глаз
длинная щель рта
две скважины
ноздри
губы между
губами зубки
отверстие побольше
язык
две дырки
прикрытые ракушками
уши
ногти на ноге
нос на лице
с правого боку рука

это банковский сейф
гладкий
с волосами
там и сям
с волосками
с волосами на голове
с пучками волос под мышками
еще отверстие крашенное
зеленой краской
белые груди
прикрывает рукой глаза
говорит
волшебный закат
великолепное море
укладывается на боку
на морском берегу
на песке

1959

КОРНИ

Светочувствительные
одноглазые
эстеты
произнося Ван-Гог
пишут солнце
задевают банальную ветку
цветущего миндаля

а я вижу его в ночи

вижу его
в Боринаже
под землею
огонь

пожирает людей
их глаза
их бьющееся сердце
их язык

в замурованном штреке
он клубится

небо высоко
еще выше возносится
крот без единого ока
Ван-Гог
и притрагивается к свету

когда я гляжу на подсолнечник
думаю о корнях
они погребены в земле
стремятся к солнцу
не зная сияния
его короны

Когда в центре ночи
незнакомый человек
говорил мне
добрый день

я предчувствовал его

1959

ПРИ СВЕТЕ ДНЯ

А многие
сев поудобней
и закинув в себя леденец
ожидают во тьме
что им покажут
трагедию или комедию

на простыне квадратной
совсем живые красавицы
глаза у них умеют мигать
губки слегка приоткрыты
рот полон белых зубов
красавицы раздеваются
перед почтенной публикой

из тел обнаженных
струится кровь
под музыку
и диалог

это волнует
и отвлекает
это куда интересней
куда чудесней
чем такая мелкая
такая пресная
повседневность

А когда начинает герой
душить героиню
или столь же самозабвенно
поцелуями осыпает
зал кончает сосать
липкие леденцы
зал разевает рот
и неотрывно глядит
на белую простыню
которая в темноте
светится фосфорически

Но при свете дневном на улице
кажется тусклой и незаметной
подлинная слеза

на щеке неказистой женщины
женщины как она есть
женщина жмется к стене
и плачет
нос у нее покраснел
ресницы бесцветные
склеились
чулок на левой ноге
перекручен

ГРОБНИЦА ДАНТЕ В РАВЕННЕ

Данте
Тут ничего нету
Тут же пусто
Группа туристов очки зеленые
глаза красные губы лиловые
волосы оранжевые
в головах пусто
жаждут искусства
Идемте дальше
Прошу побыстрее
Там ничего нету
Заглядывают в щелку
Dantis poetae sepulcrum[1]
Инвалид без ноги
сидящий в сторонке
говорит смущенно
Это все
больше ничего здесь нету
Стальные цепи
Венок из бронзы
Virtuti et Honori[2]

---

[1] Гробница поэта Данте (*лат.*).
[2] Доблести и Чести (*лат.*).

МАРС

Комната

в ней семья
состоящая
из пяти или шести человек

кто читает книгу
кто разглядывает фотографии
кто вспоминает войну
кто засыпает кто уходит
кто потихоньку умирает
кто пьет воду
кто ломает хлеб
Янек выводит букву А
рисует рыцаря с голубой шпорой
кто собирается на луну
кто приносит розу птицу рыбу
падает снег
звонит колокол

приходит Марс
его меч
наполняет огнем
комнату

ДОМИК

Я домик для умерших
обретших в нем
последний приют

ко мне
тянутся руки
возьми меня

возьми с собою
не гони

я не закрылся
и они поселились
в холодном
пустом
темном

таково уж
их
вечное блаженство
таково отпущение грехов
воскресение тела

такова их вечная жизнь

СНЯТИЕ НОШИ

Пришел к вам
и говорит

вы не отвечаете
ни за мир ни за его гибель
с ваших плеч снимается ноша
будьте же как птицы и дети
забавляйтесь

и забавляются

забывают
что современная поэзия
это борьба за право дышать

1959

Голос анонима

1961

ET IN ARCADIA EGO

Und wie man sagt, dass einer, dem ein Gespenst erschienen, nicht wieder froh wird, so konnte man umgekehrt von ihm sagen, dass er nie ganz unglücklich werden konnte, weil er sich immer wieder nach Neapel dachte.

Goethe[1]

I. ПЕРЕСЕЛЕНИЕ ДУШ

Был полдень
на улице без названья

ударило его солнце

---

[1] И как говорят, что человек, увидевший привидение, никогда уже не бывает веселым, так, напротив, об отце моем можно было сказать, что он никогда уже не мог стать вполне несчастным, потому что всегда снова воображал себя в Неаполе.

Гёте (*нем.*).

он шел по обезлюдевшей улице
поднялся ветер
погнал по улице мусор бумагу
шуршали шелестели
шкуры людей окурки
шкурки южных плодов
бархатные гниющие
губы чуть приоткрыты
великолепные белые зубы афиш

становилось людно

огромный дом рядом с этим домом
такой же огромный дом
в тени под зонтиком красный столик
за белым столиком спит вздымается
большое брюхо без головы
голова упала в ладони

под ногами раскаленный камень

к нему подбегали мальчишки
ангелочки в полоску в клетку
в кружочки треугольнички пальмы
хорошенький херувимчик
с грязными ушами

подбегали
хватали его чемодан
другие у них выхватывали
совали ему жетончики
картончики карту города
карточку с названием отеля

шли рядом шли следом
шли впереди
повторяли названия

расхваливали размахивали руками
подбрасывали слова повыше
ручались разводили руками
мужчина в белой рубашке
перекрестился

отходили от него прищуривались
блестели белками пели свистели
сзади него остались два адмирала
и один аполлон

это было великолепное представленье
сзади осталась
Stazione Centrale Napoli[1]

тихо
он остановился в тени деревьев
нет здесь не было деревьев
он остановился
в тени большого грузовика
тень отъехала

ударило его солнце

улица становилась пустынна
он вытирал ладонью лицо
он вытирал руки платком
от платка пахло
кожурой апельсина
он пошел прямо
дошел до какой-то площади
на площади стоял памятник

другой лежал на скамейке
прикрыв лицо газетой

---

[1] Неаполитанский Центральный вокзал (*ит.*).

этот
был в ярких носках
ботинки стояли под скамейкой
голова неизвестного героя
на пьедестале истекала
голубоватым птичьим пометом
у него были шпоры и сабля
третий около памятника
тот что кормил голубей
был без сабли
на ноге ботинок с тяжелым
каблуком
копыто

улицы сбегались
и разбегались мгновенно
он останавливался спрашивал
показывали ему улицы улицы
махали рукой в направлении
люди улыбались торопились
торопились были вежливы
две девушки
слизывали двумя языками
верхушки мороженых теплыми
языками лизали белое и розовое
мороженое

висели гроздья лимонов
с жесткими лакированными листьями
лежали изогнутые бананы
покрытые черными пятнами
коричневые фиги
розовые полумесяцы дынь
из влаги и света в носорожьих шкурах
оскалив полные косточек рты
рядом с одной головой лежала другая

голова к голове и на головах друг у друга
пирамида голов подымалась
к белесому небу
слепые головы кокосовых орехов
покрытые коричневым волосом
расколотые сочащиеся слюной
щербатая кромка каменного сосуда
погасшего вулкана
темная гора над прозрачным заливом
пошевелилась и подошла к нему
подошла к ногам
залив изогнулся дугой
он стоял неподвижно

вот этот дом
вот этот пансионат
третьей категории
кабина лифта
клетка из железных прутьев
седая женщина
ведет его по коридору
отпирает дверь улыбается
показывает на две кровати
стоящие рядом
отдает ему ключ
улыбается уходит

жалюзи на окнах
полосы света дрожат
как зебра у водопоя
две кровати в зеркале он смотрит
на свое отраженье в зеркале закрывает
глаза открывает под потолком лампа
в зеркалах лампы и лица
на никелированных кроватях
цветные полотенца зеркало над

раковиной на столе газеты
после проживавшего который уехал
час тому назад шпилька
это была женщина

поток
воды прохладной воды
все более холодной воды течет
с шумом в его ладони
он поворачивает ключ

в шкафу покачиваются вешалки
в шкафу где пахнет чужим человеком
позвякивают вешалки
на которых висели платья
деревянные металлические плечики
он прилег на кровать закрыл глаза
лежит прикрывшись белой простыней
мысли осыпаются
рвется нить которая связывает
рвется нить которая соединяет
образы и слова
не знаешь что со мной делать
подожди я распакую вещи
закрой глаза мне надо переодеться
не можешь закрыть глаза
что за глупые шутки
я привезла тебе письмо от Франка
что такое ананас это ты ананас
говорил что возьмешь с собой
а уехал так неожиданно
я сижу тут в дыре заколоченной досками
и сама не знаю жива ли еще

кого я вижу какими судьбами
давно ли надолго ли

что слышно в Варшаве
ах стипендия
что-то мне показалось
будто вы от нас прятались
среди этих мраморных статуй
чудесные картины

мы оба в Венеции
прямо не верится
поцелуемся
мы ведь оба поляки
выпьем
я один на свете

он просыпается в страхе
эта комната в каком же доме
этот дом в каком же городе
это отраженье в каком же зеркале
этот город
неужели он там по-прежнему
за стеной
он разговаривает сам с собою
где Неаполь
вот Неаполь
вот он какой Неаполь
вот тебе твой Неаполь
увидеть Неаполь и умереть
как тут жарко
ноги прямо горят
сваришься тут живьем
лежа под простыней
видишь Неаполь
за окном виднеются крыши
и стены и окна в стенах
и плоские крыши в небе
небо цвета консервной жести

белое с голубоватым оттенком
грохот моторов
что они там
землю сверлят насквозь
под этим домом
а что если этого города нет за стеной
если его там нет
если там только зной в пустоте
визг торговок тухлая рыба
автомобили отбойные молотки
ломающие бетонную скорлупу
крики музыка слов преизбыток слов
барокко пышные соборы слов
пыль шуршанье бумаг
а если его там нет
только вихрь клубящийся
в этом грохоте добела раскалившись
шар то вспыхивающий то гаснущий
стеклянный волшебный шар
а внутри тот кретин с большой головой
у закрытых дверей собора
с головой из которой сочится слюна
гулкий колокол на паутинке
этот город падает

он проснулся испуганный
глянул в зеркало ночь

запер дверь и вышел на улицу

над улицей черное небо
в небе звезды
неоновое свеченье
памятник ночью был темный
все машины
неслись на него

носились по кругу
вокруг неизвестного героя
бурильные молотки свёрла
ломали бетонную скорлупу
плоская площадь
извергала блестящую пыль
пепел лаву

неоновый свет стекал струясь
по вертикальным стенам неба
в потоке света лежали женщины
черные лоснящиеся тюлени
плыли с круглыми животами
мягко в своих шелках
солдата за руку тащит карлица
с личиком как райское яблочко
и переругивается с подружками
черные шелковые чуть покачиваясь
они стоят от света до света
воздушные шары на привязи
падают звезды
звезды с губами чуть приоткрытыми

играющий ящик окружен молодежью
играющий ящик плачет дрожит
играющий ящик поет смеется
играющий ящик наполнен
музыкой голосом
души переселяются
из молодых тел выходят
в играющие ящики входят
это невинные души
не ведающие греха
не ведающие покаянья
автоматы невинны
автоматы не ведают греха

автоматы не будут осуждены
автоматы могут испортиться
души скитаются под дождем
выходят из молодых тел
входят в тела
звезд на больших афишах
все это декорации рая
декорации ада

церковь еще открыта
алтарь освещен
в алтаре лежит за стеклом блаженный
скелет в одеянье прелата
в рукавичках и туфлях кости
в фиолетовых чулках кости
лицо покрыто позолотой
между скамьями копилки
перед алтарем копилки
при входе и при выходе копилки
на пищу святого Антония
на беатификацию раба божьего
на свечи для Младенца
на освещение для Сердца Иисуса
огромный старинный замо́к
на стене цвета печени надпись
SS Messe per le Anime del Purgatorio[1]

тела спасутся
тела относятся к миру животных
тела невинны
дух нашел убежище
в Banco di Santo Spirito[2]

---

[1] Мессы за души чистилища (*ит.*).
[2] Банк Святого Духа (*ит.*).

тела осиротели
и слоняются по большому городу
под бельмом неба
под черным небом
под лимоном солнца
тела невинны
а ду́ши все уменьшаются
уже такие малюсенькие
что две души
поместятся на кончике языка
этой портовой девки
пусть никто в нее не бросит камня
это Ева изгнанная из рая
изгнанная из гобелена XVI века
La Creazione di Eva[1]
и были оба наги
и не стыдились
и поставил у сада Едемского
херувима и пламенный меч
чтобы охранять путь
к дереву жизни

«кончается определенная эпоха
музыкант исчезает так же как исчез поэт»
поэт который исчез восклицает
женщина цветок
отставь ты это красивое
старое сравнение
в сторону
цветок который смеется
цветок который пугается
цветок с цветком в волосах
цветок который продается

[1] Сотворение Евы (*ит.*).

цветок который приходит и уходит
женщина это женщина
цветок это цветок
слово стало телом
тело заполнило ночь
от берега до берега
у ночи нет берегов
женщина цветок
отставь ты это красивое
старое сравнение
в сторону

в электрическом свете
темно-ореховые головы орехов
кокосовых
как волосатые головы слепых обезьян
бананы с которых содрана кожа
лимонного цвета лимоны с черными листьями
искорки света бегают по стеклу по никелю
по разноцветным сокам
глыбы льда на льду раскрытые устрицы
искорка света в ломтике лимона
свет пропадает во льду
падает и пропадает
люди платят протягивают руки
кладут в свои сетки в газеты
рыбу похожую на раскрытый ножик
синего тунца слоистого как древесина
голову уснувшей медузы ноги осьминога
лежат потроха на льду
лежат на зеленых листьях
как павшие ягнята
кроваво-красные печенки
сердца и языки и рядом
удивительнейшие рыбы
с головами как красные молотки

как голубые ежи
плоские как тарелки
из золотистой шкуры
черная икра искрится
в электрическом свете
птички сколько тут птичек
сколько птичек на проволоке
проткнувшей их умолкшие горлышки
продернутой сквозь раскрытые клювики

Полночь пора возвращаться
реактивный
рассекает небо над заливом
в ореолах уличного света
проходят англичанки
в ангельских белых шеях
улыбаются
голуби сладко уснули
у ног неизвестного героя
лимоны желтого света
катятся по поверхности моря
моряк стоит руки в карманы
тело портовой «чайки»
так печально в постели
маленькое как тело ребенка
желтый пергамент щек и черные очи
на ступенях святого храма
женщина спит с малышами
укрыла их газетой
в тупике пустого переулка
сердце Иисуса
пробитое мечом в гирлянде ламп
музыкант свою скрипку спрятал
в футляр
присел за столик

официанты скатерти складывают
паруса

над заливом пальмы и звезды
завтра утром
солнце над городом взорвется

завтра парад

II. ЗАПИСНАЯ КНИЖКА

Ночь в Albergo Fiore
Napoli[1]
просматриваю свои заметки

Сегодняшний день
великолепный убийца
прошлого
самый жестокий ибо не связан
с жертвой
Вена аэропорт
клиент улыбается котлетам
das ist schön[2] говорит он
котлетам
японец высыпал на ладонь таблетки
будто зернышки риса
бородатый индус
погруженный в раздумье
проходит мимо

В Ватиканском музее
Ян Собеский под Веной

---

[1] Гостиница «Фьоре», Неаполь (*ит.*).
[2] Прекрасно (*нем.*).

гид объясняет старухам американкам
что это польский король который
как раз под Веной
разгромил турецкое войско
и спас тем самым
столицу Австрии
Вход на купол
Eingang zur Kuppel
Ingresso alla Cupola[1]
гиды копулируют наспех
с искусством на глазах у туристов
при этом родятся
скучающие чудовища
смеющиеся жирафы
снимают музейные туфли
с пылающих ног

Вчера я встретил знакомого
из Варшавы
это было прекрасно как
«неожиданная встреча
на анатомическом столе
зонтика со швейной машиной»

эта пьета пьета пьета
Пьета Микеланджело
неужели эта пьета пьета пьета
подлинник из подлинного мрамора
ну разумеется

Kolossal fantastisch er fliegt[2]
это относится к Богу Отцу
в Сикстинской капелле

---

[1] Вход на купол (*нем., ит.*).
[2] Грандиозно! Фантастично! Он летит! (*нем.*)

Кто-то вошел
кто-то меня прервал
я потерял нить своих мыслей
в Риме
в Сикстинской капелле
шум толчея
хуже чем на вокзале
восхищаются Микеланджело
Страшный суд
не знаю какими словами
передать
потрясенье
пришлось головой опереться
о спинку скамейки

в Сикстинской капелле
я видел слепого
жена его Ева
его единственное око
шепотом объясняла
Страшный суд
Сотворение мира
Сотворение Адама
Изгнание из рая
Он поднял лицо
голоса опускались
на его – вознесенные во тьму
очи
а я многоокий многоухий
открытый всему на свете
глотал голоса и краски
эстетки
отлично несутся в клетке
высиживают красивые слова
от шума
треснула у меня голова

21 мая в 12.00
я осматривал термы Каракаллы
прошу прощенья за хаос
но ведь мир возникал из хаоса
пусть это все возникает само
по ходу движенья
или ты думала
что я оттуда вернусь
совершенно преображенный
не надо притворяться

сколько искусства падает
на душу населения в среднем
на земном шаре
сколько истины падает на душу
мясо пожирает мясо
кризис современной цивилизации
длится уже так долго
я подозреваю что нет никакого кризиса
я предпочитаю мясо
что вы закажете ножку может быть грудку
может быть язык
мы форпост христианства
я попрошу язык поганые язычники
цвет христианского рыцарства пал
язык с гарниром
вы заказали я заказал язык
Et in Arcadia ego
вы притворяетесь Дон-Кихотом
эти ветряные мельницы без крыльев
это же туалеты
можете подойти убедиться
вы меня ловите на слове
сколько мяса сколько истины
падает на каждую голову
голову которая падает

среди ночи меня спросили
ваше последнее желание
кто-то за меня ответил
бокал шампанского
отвернулся к стене и умер

«По сравнению с историческими событиями
политического или военного характера
все представляется ничтожным...
– говорит Ф. М. –
В зале ожидания можно читать
разве что газеты»

Написать трактат
о тождественности
в новой поэзии

действительность
целиком заполнена
действительностью
в трещины действительности
может внедряться воображение
«в нас возникает иллюзия воображения
заставляющая нас иногда цепляться
за сходство предметов как таковых
это заметно у спящих и сумасшедших»

Не оставить пустого места
ни единого белого поля
для воображения

Художник С. Д.
на пресс-конференции
выходит из огромного яйца
или предстает во фраке
украшенном семьюдесятью семью

рюмками каждая из них наполнена
мятным ликером
в одной из рюмок находится дохлая муха
меня не удивишь
я навидался всякого
но вернемся к моему итальянскому
путешествию
21 мая в 12.00
я осматривал термы Каракаллы
солнце
расплавило меня и высосало
солнце над головой
надо мной в небе
громоздятся кирпичные мамонты
у подножья стен цветущие маки
стены поют
гнезда ласточек
рыжий кот торчит будто кость
глядит бирюзовым глазом
среди зарослей красные маки
гладкие камни в тени
прохладны если ступить босиком
стулья рядами как в театре
колонны пилястры капители
из гипса и картона
по ночам здесь дают представленья
огромный самолет пролетел
рыжий кот побежал себе дальше
опять прошли эти женщины
я видел их в катакомбах
Catacombe di S. Callisto[1]
в катакомбах было довольно весело
ресторан святого Каликста

[1] Катакомбы св. Каликста (*ит.*).

находится напротив
цены высокие место бойкое
эта женщина в черном платье
как змея
из американской или английской кожи
молния вдоль спины
змея на застежке
посмотреть бы как меняет кожу
кельнеры белые мотыльки
порхают около столика
раскрывают крылья
с черными крапинками
после обеда можно еще раз спуститься
в катакомбы
но стоит ли
настроение безмятежное
ну мученики
что же я должен вырвать себе око
соблазняющее меня вот уже целый час
виноват ведь этот сосуд порока
эта прелестная гадина людской породы
рисую на столике рыбу
но она как видно басурманка
я разумеется не о рыбе
проходит мимо
букет пяти ощущений
у меня в этот миг не пять а сто ощущений
раздражители раздразнили меня
как быка
кельнеры с красными салфетками
скачут вокруг
колют меня своими цифрами
я кровоточу вином
надо мной в ослепительном солнце
их языки
истекающие слюной

22 июня 1960 года
я сошел на перрон
в Венеции:
«In Venedig kennt mich vielleicht
nur ein Mensch, und der wird
mir nicht gleich begegnen»[1]
здесь моим местопребываньем
была звезда
звезда над черным каналом
я отворил окно сплошная ночь
золотая звезда
так назывался мой третьеразрядный отель
шел дождь

Notturno sul Canal Grande[2]

я плыву в бумажном пакете
по каналу менее великолепному
в окошко вместо света и конфетти
сыплется мусор
падает плывет погружается
тут никто не поет
поменьше света и похуже пахнет
вчера я плакал
было так прекрасно
а может быть я смеялся
мои призраки спали
в Торчелло я видел прекрасную преисподнюю
мозаика во всю стену
за сходную цену

[1] В Венеции меня знает, быть может, только один человек, и тот не сразу встретится со мною (*нем.*).
[2] Ноктюрн над Большим каналом (*ит.*).

купил морского конька
он пахнет солью и водорослями
приносит счастье
стало быть я счастлив

Базилика святого Марка
девушка прикрывает плечи
и лицо свое черными кружевами
другая в брюках
стоит осужденная стражей
у врат святого храма
стоит сосуд греха
дьявольское прельщение
в этих красных штанах в обтяжку
вводящих во искушение

Венеция пылает
дождь Тинторетто золото
дождь изумрудная зелень
Тинторетто полночь
спят голуби и белые оркестры
пылает Лидо и до меня доходит
треск неоновых веток
в остывшем песке остались
формы тел
ушедших отсюда
огромные пугала с чудовищными головами
беззвучно хохочут рот растянув до ушей
и красавица слишком великолепная
для меня обитателя маленького городка на севере
едет верхом на ихтиозавре
в моей стране у ископаемых маленькие черные
головы залитый гипсом рот страшная гримаса

III. ПАРАД

Albergo Fiore
Меня разбудил хозяин
доброе утро
моя фамилия Ковальчик
после войны остался здесь в Наполи
генерал говорит мне
(это было до войны в Лодзи)
выпейте с нами сержант
а я говорю я на службе господин генерал
а я вас угощаю говорит генерал

сегодня у нас парад
пойдете ли вы посмотреть
да я посмотрю сегодня парад
а завтра Помпею и Везувий
спасибо пан Ковальчик

Едут машины
в машинах сидят солдаты
на солдатах стальные шлемы
солдаты сидят рядами
оружьем на солнце сверкая
машина за машиной
и все совершенно одинаковые
в совершенно одинаковых машинах
совершенно одинаковые солдаты
лиц не видно
машина за машиной
белые шины гул моторов
кто-то неведомый завел
и все это двигается безотказно

башня танка открыта
флаг развевается по ветру

танки тяжелые мощные
дула пушек темные немые
блестят металлические антенны
танк за танком грохочет
бронеавтомобили
колючие от пулеметов
и спаренных орудий
в небе вертолет сверкает
бронеавтомобили и танки
дугу описывают плавно
а за ними красные машины
одна за другой одна за другой
все заводные и кто-то завел
а за ними орудия тягачи понтоны
радуются девушки и дети
и даже люди седые
уже бывавшие в пекле

а потом красивые солдаты
легко бегут красивые солдаты
развеваются в воздухе перья
черные белые красные
перья несутся летят солдаты
кто-то завел людей и машины
разворачивается парад
под солнцем юга над голубым заливом
проносится разноцветное веселое войско
развеваются черные перья
оркестры играют солдаты танцуют
ведь никто тут не будет убивать
этот солдатик в танковой башне
прекрасен как ангел
он никогда не сгорит
город с холма возносится в небо
в небе пылает помпейский пурпур

как открытые легкие
над прозрачным заливом

«Der Neapolitaner
glaubt im Besitz de Paradieses zu sein
und hat von den nördlichen Ländern
einen sehr traurigen Begriff;
Sempre neve, case di legno,
gran ignoranza…
Immer Schnee, holzerne Häuser,
grosse Unwissenheit…»[1]

* * *

Расскажи мне
о своем путешествии в Италию

Я не стыжусь я плакал
узнав этот край

я был потрясен прекрасным

я опять был ребенком
в лоне этой страны
я плакал
и не стыжусь

Я пробовал вернуться в рай

1960–1961

---

[1] Неаполитанец считает себя обладателем рая и имеет о северных странах самое мрачное представление: вечно снег, деревянные дома, большое невежество (*нем., ит.*).

Ничто в плаще Просперо

1963

КТО ТАКОЙ ПОЭТ

поэт это тот кто пишет стихи
и тот кто стихов не пишет

поэт это тот кто рвет узы
и тот кто их на себя налагает

поэт это тот кто верит
и тот кто верить не в силах

поэт это тот кто лгал
и тот кого оболгали

тот кто падал
и тот кто поднимался

поэт это тот кто уходит
и тот кто уйти не в силах

КОРМЛЕНИЕ ПЕГАСА

Памяти Леопольда Стаффа

Родился жеребенок
незрячий
в крови
с неразвернутыми крылами

язык огня восстал над ним

началась наука полета
на подпорках
на непослушных одеревенелых
крылах

уставшего женщина кормит

дает
с ладони ему
колотый сахар
белый
розовый
черный

и до поры
от него скрывает
слова
Фридриха Христиана Геббеля

поэзия это самоубийство

1962

НИЧТО В ПЛАЩЕ ПРОСПЕРО

Калибан звероватый раб
обученный человеческой речи
ждет

рыло в навозе
ноги в парадизе
обнюхивает человека
ждет

и вот

ничто является
ничто
в волшебном плаще Просперо
ничто из улиц и уст
из башен и соборов
ничто из рупоров
вещает ничему
о ничем

ничто плодит ничто
ничто растит ничто
ничто ждет ничего
ничто грозит
ничто казнит
ничто прощает

1962

УЛЫБКА ЛЕОНАРДО ДА ВИНЧИ

Бог повержен

он лежит на спине
беззащитный

11–445

вот-вот
живота лишится
вечной жизни

влекомый
мыслящими муравьями
живьем в могилу
жук
черный блестящий
с головою щитообразной
в золотом нимбе

Человек подымает его соломинкой

смотрит
с улыбкой
на полных
тайны
устах

как тот
жесткокрылый
темный

взлетает

1962

В РОЗЕ

Рубенс золота
пчела
в раскрытой розе

покрывающий Млечный Путь
Пан

нерест золота крови перьев
атласов тел огня перлов
барокко уст бедер
рубин

фанфары во славу жизни

Сатир оплодотворяющий
белую розу
реки текущие
млеком и мёдом

И вдруг картина
подспудная подземная
истекающая гноем потрескавшаяся

изгнивший
осклизлый
повисший
обвисший на живых руках
труп
со струпьями крови
в носу
глазу

полотно Рубенса
писанное
трупным ядом

Третье лицо

1968

ИЗ ЖИЗНЕОПИСАНИЯ

Год рождения
место рождения
Радомско 1921
так
на страничке
из школьной тетрадки сына
помещается мое жизнеописание
осталось еще немного места
осталось несколько белых пятен

вычеркнул только две фразы
а одну дописал
в надлежащее время
добавлю два слова

спрашиваешь даты
важнейших событий
моей жизни
об этом спроси у других

мое жизнеописание
уже несколько раз завершалось
порой лучше порой хуже

1965

АХЕРОН В САМЫЙ ПОЛДЕНЬ

A

Будучи в добром здравии
я посетил берега Ахерона

с полчаса я шел пожалуй
в направлении железнодорожного вокзала
миновал пекарню
почтовое отделение
возле пивного ларька
стояли мужчины
в грязноватых рубашках

сплыли прошлогодние снеги
были белыми газеты
без шрифта и заголовков
любите ли вы уличное пение
– обратился ко мне внезапно
какой-то незнакомец –
я люблю как поют
под шарманку
в холодный темный сырой
осенний вечер

Шарманка?
осенний вечер?
это был какой-то студент
Ляхман Пшоняк возможно Раскольников
Дейка Владек Карбович

далее кинотеатр Сказка
и погребальная контора
хожу по этим улицам
двадцать лет
молочные стекла прямые буквы

венки катафалки
гробы гробики
гробики?
это похоже шутка
какого-то оптимиста

идя вдоль этих стен
я завершил
сорок пятый год жизни

сердце билось нормально
было двенадцать часов
когда я оказался
на берегу канала

в струнах дождя
на черной грязи
раскладывали крылья
белянки и траурницы

в воде жирной черной
отплясывали нимфы
играли единороги
колыхались белые киты
дышали розовые губки легких
видны были сердце
желудок
матка

в ресторане III категории
прыщавый недоросль
обкусывал ногти
давил на стекле мух
хрустело

над мертвой
измазученной водой
шли к причастию

девочки
в зеленых веночках

перед «отъездом в Америку»
Свидригайлов
пил теплый сладкий чай
ел холодную телятину
исподлобья глядел
на невинных созданьиц
и
скромная улыбка
потихоньку растягивала
его розовые
небольшие губы

с того света
доносило запах
кашанки с капустой
требушины фасолевого супа

летели
прошлогодние снеги

в
я плыл
прямо вперед быстро
с открытым ртом
поворотил
потрясенный картиной
которая меня ждала
росла

возвращался к истоку
с закрытым ртом
вода была чистая живая

я плыл по стискивающемуся
словно горло
руслу
в себя
я и был
истоком а хотел
выплыть за себя
вернуться дальше глубже
давнее

река текла
прозрачней стекла
белела мелела
была сплыла

с

Были боры до нашей поры
будут боры после нашей поры

доезжали на автобусе
потом на лошадях
в плетеных повозках
полевыми проселками просеками

лес был лесом
Бог Богом
Дьявол Дьяволом
яблоко яблоком
луг лугом
гора горой
долина долиной
правда правдой
дерево деревом
ложь ложью
лошадь лошадью
ночь ночью

родители родителями
река рекой
беззвучье беззвучьем
смерть смертью
жизнь жизнью

плиту топили
шишками и хворостом
на рассвете собирали грибы
маслята подберезовики белые
зеленушки оранжевые лисички
на противне пекли
картофельные оладьи

Ядвига готовила ржаные клецки
«бочаны» на молоке
вода в Варте была чистая
живая

мельница стучала под белой
луной старый Марчак
втыкал острогу
в неподвижные черные
спины рыб

спали в овине на сене
или на высоких набитых соломой
сенниках
ночью рассказывали друг другу
похождения Джека Техаса и Гарри Пиля
Тома Микса Пата и Паташона
Арсена Люпена

Отец «появлялся»
после часа
в панаме с тростью
выбритый благоухающий

привозил газеты
Муху Икаца Экспресс
Пшеводник Католицкий
мятные конфетки
и вафли
серебро золотце
старательно собирали
на выкуп негритенка
из басурманского рабства

были боры до нашей поры

никто тут и не слышал
о Гитлере
дядя Антон вспоминал
русско-японскую
в комодах сундуках
лежали забытые рубли
в пуговицы играли
копейками
с двуглавым орлом

страною правил Дедуля
оберегала его покровом своим
Государыня Короны Польской
деревня задыхалась
от избытка рук
давилась
гневом

В Ченстохове порицали
безбожный коммунизм
и атеизм
мы сроду не видали
коммуниста
детей стращали

цыганами и евреями
Отец рассказывал историю
о Мацохе и его любовнице
игравшей на скрипке
и волосы имевшей до пят
диск метала Конопацкая
Кусочинский боролся за лавры с Нурми
потом услыхали
фамилию
Гитлера
умер Дедуля
легионеры генерала Франко
сражались под знаменами
Христа короля
потом началось
потом росло неудержимо
в эфире
на экранах
в заголовках газет
в мыслях
в глазах

детство
погружалось

D

я плыл долго
с закрытым ртом

поворотил

Никто ждал
у истока и возле устья
никто
ждал на обоих берегах

иду в глубину
даю круги
плыву под поверхностью
тут больше жизни теплей
выскакиваю
с разодранным языком

этот крючок не шутка
не безделица
откованная из слов

пытаюсь остановиться
выплюнуть наживку
могу это сделать
только вместе с внутренностями

тогда постигаю
снова
что задача моя
согласие

обретаю свободу
легкость
волосок
леска удлиняется
в бесконечность отплываю
вместе с моим временем

1967

СМЕХ

Клетка была так долго закрыта
что в ней вывелась птица
птица так долго молчала
что клетка отворилась
ржавея в тишине

тишина длилась так долго
что за черными прутьями
раздался смех

ТАЛАНТ

Сидел я у стенки
с глазами закрытыми
с лицом
повернутым к солнцу
и сжатыми в кулак
руками

в детстве ангельском сельском
дьявольском деревенском
нищим давал я
монетки
хлебные корки
они мне показывали обрубки
пальцев и рук
рукава пустые
открытые раны
струпья

разгибаешь палец за пальцем
две пустые ладони
выворачиваешь наизнанку
подымаешь веки
ничего

когда мне выбили
зубы
под языком обнаружили
черную монетку

1962

* * *

Свет на рассвете
рисует углем
землистый лик
матери

Она растапливает
огонь в очаге

треск щепок
скола смолистый запах
пламя ширится
и гудит

в окне я вижу небо
в небе солнце
вокруг склонились ваши лица
их черты
повторены не будут.

1963

ДВЕРИ

В темной комнате
на столе рюмка
красного вина

в открытую дверь
вижу мир детства
кухню с голубым чайником
Иисусово сердце в терновом венце
прозрачную тень матери

в округлой тишине
петушиное пенье

первый грех
горьковатое зернышко
в зеленом
яблоке

первый дьявол
шевелящий выпуклостями
под шелковым платьем

в освещенном пейзаже
отворяются
третьи двери
а за ними в тумане
в глубине
немного налево
или посредине

ничего
не вижу

1966

КОЛЫБЕЛЬ

Земля
колыбель мертвых

полная ими
как соты медом
могила к могиле
они почили
от нас так близко

оторванные от жизни
будто уста

КАМЕНОЛОМНЯ

Каменоломня собора
была безмолвна
внутри
подвешенный под крестовым сводом
ископаемый бог
светился
белыми ребрами

на дне
прилепленные слюной
к каменным плитам
молились
диковинные метафизические
млекопитающие

СТРОЮ

Хожу по стеклу
по зеркалу
которое трескается

хожу по черепу
Йорика
хожу по этому хрупкому
миру

строю дом
крепость на льду
все в ней подготовлено
к осаде

и только я
удивленный безоружный

оказываюсь
снаружи
стен

* * *

Ночью море
разбивалось
грохоча
раздрызгивало
себя
о ничтожные бетонные
волноломы
на закате
ворчливо
растягивалось вдоль пляжей
утихомиренное
покрывалось
пурпуром
подрагивало все еще гневное
под кожею воды
поблескивало

Гагра, 1965

* * *

Тело мое

плоть сорокалетнего
одомашненного зверя
наполняет сутолокой
отворяет
давая неясные знаки
весна

12–445

и в сумерках
мечутся во мне
тяжелые белые птицы
с округлыми слепыми
грудями

они кричат и бьют крылом

* * *

Чета
стариков
ступает неуверенно осторожно

из пены
выпрыгивает
нагая
вся сияющая
безрукая безголовая
богиня любви
Афродита

черная
косточка
в мясистом
розовом
арбузе жизни

мужчина и женщина
медленно погружают
изношенную до прозрачности кожу
в море

они выходят на берег
по-прежнему держа друг друга
за руки

НА НЕВЕДОМОМ НАРЕЧЬЕ

Продавала фрукты

слова ее были
для меня
затворены

я показал
на гранат
попросил
разломить

спелое
нутро
кровоточило на солнце

во рту
залоснилась влажная улыбка
заполненная
зубами языком
словами
неведомыми на вкус

ПОПЫТКА СОВРЕМЕННОЙ ЛЮБОВНОЙ ЛИРИКИ

А белизну между тем
лучше всего передавать серым
птицу камнем
подсолнухи
в декабре

прежняя любовная лирика
бывала описанием тела

описывали то и другое
например ресницы

а пурпур между тем
следует передавать
серым солнце дождем
маки в ноябре
уста ночью

наипластичнейшим
описанием хлеба
будет описание голода
в нем так и чувствуется
влажный пористый мякиш
теплое нутро
подсолнухи ночью
груди живот бедра Кибелы

родниковым
прозрачным описанием
воды
достигнешь
описания жажды
пепла
пустыни
изобрази фата-моргану
облака и деревья входят
в зеркало воды

отсутствие голод
нехватка
плоти
суть описание любви
или современная любовная лирика

Лето 1963

ЗА ГИДОМ

Быстрей есть пить читать жить
быстрей любить
дальше ехать спешить
больше быстрей говорить
быстрей уходить прощаться покидать
больше слушать видеть
глядеть трогать нюхать
глядеть обладать пробовать
обожать быть здесь и там
и где где еще
громче смеяться расталкивать
бежать дышать
Быстрее
больше
скорее дальше выше ниже глубже
скорее шире жить
есть пить спать
любить
жить дольше

В Палаццо Дукале прет табунчик
толчея за гидом
хорошо сохранившиеся старушки
мужчины в подтяжках
отирают платочком лысины
цветочки в волосах
по возможности присаживаются
а гид мчится птички в волосах
с его губ течет поток названий
дат анекдотов красот
эта Пиета красивейшая
выражение страдания
пожалуйста с этой стороны
отсюда лучше видно

выражение лица матери
этот инструмент называется
в этой зале заседал суд сюда в эту щель
можно было опускать доносы
прошу дальше за нами следующая группа
шляпки покрыты цветами
оружейная палата
мечи мортиры кольчуги щиты
забрала стилеты доспехи пули мушкеты
вдруг тишина взрывы хохота
гид прищурил
сладкий глаз
шепчет шепелявит
группа его обступила
кольцом
буквально галопом промчались
вдоль
налево Босх Инферно
направо Беллини Пиета
налево Босх Парадизо
направо
налево
в шкафу среди боевых доспехов
висит покрытый ржавчиной пояс
в поясе два отверстия
круглое окруженное шипами
и продолговатое
шипы загнуты вовнутрь
пояс закрыт на висячий замок
рыцарь уходящий в поход
забирал ключи с собой
седоволосые дамы жеманно
наклоняются к ушам мужей
гид жестикулирует
жмурит глаза дети пытаются
пробиться сквозь кольцо взрослых

ничего не видят
ухмылки искусственные челюсти румянцы
три монахини стоят
их руки сложены под
веки опущены на
губы их
губы двигаются
взрывы смеха тишина
замки Тристан златокудрая Изольда
варварство
пояс добродетели с колючим отверстием
а рядом амуниция доспехи самострелы ядра
рапира мортиры стилеты мушкеты
но на все это
больше никто не обращает внимания

1963

БАБОЧКИ

дождь шел
шел дождь

репортер рассказывал о Флоренции
появлявшейся из воды

о Флоренции из грязи ила
покрытой пятнами мазута
жемчужина
жемчужина городов говорил он
пять тысяч автомобилей
унесено бешеной водой Арно
десять тысяч автомобилей
погребено в грязи
волны вымели
из лавок
сокровища полотна

часы
манускрипты гравюры

во Флоренции
я был в последний раз
в июне 1964 года

над плоским мутным желтым
как собачий глаз Арно
я пил вино
в твоих глазах проплывали
кручи туч

в большой галерее
протянулось во сне золотое
тело
меж лицами туристов
плыла с ладонью на темной дельте
разбуженная Тицианом
Венера
в гранитной колоннаде
появились
женщины
молодые
светоносные
в бальных нарядах
в неземных туалетах

ладонь
с миндалевидными
серебряными
ногтями
возлагали на серую колонну
вскидывали руки
впрыгивали на каменные ступени
откидывались откидывали голову
замирали

повторяли какой-то жест
улыбались
подставляли небу лица
глаза их были нарисованы
звездны
огромны

никто к ним не привязывался
не прикасался
они не разговаривали
не обливались потом
внимательно слушали
вопящего
крепыша в расстегнутой рубашке

снова отталкивала
от себя гранитную колонну
девушка в розовом платье
раздвигала губы
я повторял
за старым Поэтом

«... как розовый гиацинт
прелесть твоя предо мною...
Цветок свой носила в златых волосах
таинственно и стыдливо
Словно бы девочка в вешних летах
ракушки розовой диво»

еще одна в костюме
цвета банана
раскачивала яркой
красной сумочкой
поглядывала вдаль
на зеленые холмы
на желтый Арно

и снова откидывала лицо
и снова входила в свет
и снова
повторяемо было все
сначала

поправлялись волосы вскидывались руки
выбритые подмышки
уклончивые усмешки
смело
широко
расставленные
ноги

На лесных полянах
на вересках
на лугах на репьях в садах
павлиноглазки траурницы лимонницы
голубянки
черный Аполлон
бражник махаон крапивница адмирал

бабочки незабываемые с детства
раскладывают крылья в солнце
в ночи

1967

СРЕДИ МНОЖЕСТВА ЗАНЯТИЙ

Среди множества
безотлагательных занятий
я забыл
что следует еще
и умирать

легкомысленный
я либо пренебрегал этой задачей
либо решал ее
поверхностно

с завтрашнего дня
все меняется

начну умирать старательно
умно оптимистически
не теряя ни секунды

ГОЛОС ИЗ КРУАССЕ

«я хочу одного
сдохнуть
и обрести покой»

по написании этих слов
жил еще и жил умирал
старый ребенок
сластолюбец лентяй гурман
самим собой приговоренный
к пожизненному заключению

надо возделывать свой сад

в ночи звон колокола сквозь шум
реки звон колокола набат
вы слышите
как кричит
как плачет
пустынник
в Круассе

приговоренный на сколько-то лет
тяжелых каторжных работ
кем никем ничем
своим Призванием

без обезболивания
он выдирал из внутренностей с кровью
классическую структуру фраз
безукоризненную
форму

надо возделывать свой сад

КОРРЕКТУРА

Смерть не исправит ни единой строчки
в строфе
она ведь не корректор
и не внимательная
редактриса

плохая метафора бессмертна

бездарный поэт после смерти
становится бездарным умершим поэтом

зануда нудит и после смерти
глупец за гробом
по-прежнему болтает глупости

РАССКАЗ О СТАРЫХ ЖЕНЩИНАХ

Люблю старых женщин
уродливых женщин
противных женщин

они соль земли

они не брезгуют
человечьими отбросами

они знают оборотную сторону
медали
любви
веры

диктаторы паясничают
приходят и уходят
руки диктаторов
в крови

старые женщины встают спозаранку
покупают мясо овощи хлеб
подметают варят
стоят на улице скрестив руки
молчат

старые женщины
бессмертны

Гамлет мечется в сетях
Фауст разыгрывает смешную и жалкую роль
Раскольников замахивается топором

старые женщины
неуничтожимы
они снисходительно усмехаются

умирает бог
старые женщины встают как всегда
спозаранку покупают
хлеб вино рыбу
умирает цивилизация
старые женщины встают спозаранку

отворяют окна
выносят мусор
умирает человек
старые женщины
обмывают покойника
хоронят умерших
сажают цветы
на могилах

люблю старых женщин
уродливых женщин
противных женщин

они веруют в жизнь вечную
они соль земли
корье дерева
покорные очи домашних животных

трусость и геройство
величие и ничтожность
видят они в истинном свете
сообразно насущным
потребностям дня

их сыновья открывают Америку
гибнут под Фермопилами
умирают на крестах
покоряют космос

старые женщины выходят спозаранку
в город покупают молоко хлеб
мясо заправляют суп
отворяют окна

только глупый смеется
над старыми женщинами

уродливыми женщинами
противными женщинами

ибо это красивые женщины
добрые женщины
старые женщины
они зародыш
они тайна без тайны
они шар который катится

старые женщины
это мумии
священных кошек

это маленькие
сморщенные
высыхающие
родники плоды
или массивные
овальные будды

когда они умирают
из глаз выкатывается
слеза
и соединяется на губах
с улыбкой
молодой девушки

1963

СОКРАЩЕННОЕ ИЗЛОЖЕНИЕ

Я гляжу в окно
дождь в темных кронах деревьев
понизу
золотой люпин

кратко пересказываю сыну Гамлета
говорю о тени которая
о крысе за портьерой
о почтенном болтуне
отце помешанной

я думаю о гладких белых как молоко
бедрах королевы-матери
о тайне
которую узнал
мужающий сын
в нем рождалась и гнила
любовь
любовь следовало отравить
любовь следовало отрубить
и он рубил мечом не глядя
любовь следовало откусить
и он откусывал
любовь следовало утопить
как слепого щенка
и он приговорил к смерти
безвинную девушку
я сообщаю сыну
скудную информацию
о жизни Шекспира
3 июля 1962 года
еще один человек на земле
узнаёт
о существовании английского драматурга
идет летний дождь слышен смех
за стеной мышкует мышь
в лесу
мха седой мех
набухает как утопленник
вопрос
который задавал себе

принц Датский
замалчиваю
это слишком жестокая и грубая шутка
для современного человека

1963

ЗАНАВЕСЫ В МОИХ ПЬЕСАХ

Занавесы
в моих пьесах
не поднимаются
не опускаются
не закрывают
не открывают

ржавеют
гниют скрежещут
раздирают

первый железный
второй тряпичный
третий бумажный

шмякаются
штука за штукой
на головы
зрителей
актеров

занавесы
в моих пьесах
болтаются
на сцене
в зрительном зале
в гардеробе

13–445

еще и по окончании
представления
путаются под ногами
трепещут
пищат

1967

МЕЛЬЕС

Иллюзионист
директор театра «Робер Удэн»

Родился в 1861
умер в 1938

снял четыреста с лишним
короткометражных фильмов
в том числе
в 1898 году
«Броненосец «Мэн»
далее
«Дело Дрейфуса»
«Жанна д'Арк»
«Фауст»
«История цивилизации»
о нем забыли

остаток жизни
он провел в небольшом магазане
игрушек

потом о нем вспомнили

меня интересует
длинный период между

последним фильмом и смертью
период проведенный
в магазине игрушек

его беседы с детьми
как он им демонстрировал
старые и новые игрушки
как дергал за шнурки
паяцев
пускал заводные машины
отдавал приказы
оловянным солдатикам

жалко что я не мог
в 1938 году
взять у Мельеса интервью

Ходите ли Вы в кино

Regio 1969

ВОСПОМИНАНИЕ СНА 1963 ГОДА

Снился мне
Лев Толстой

он лежал на кровати
огромный как солнце
в гриве
спутанных прядей

лев

видел я
его голову
лицо из волнистого золотого металла
по которому
беспрерывно
плыл свет

вдруг погас
почернел
кожа рук и лица
стала жесткой
в трещинах
как кора дуба

я спросил
«что делать»

«ничего»
отвечал он

всеми чертами
морщинками
на меня поплыл свет
исполинская лучезарная улыбка
разгоралась

1968

ОСЕННЕЕ

Когда льет дождь
лежу плашмя далеко разлегшись
во мгле

мокрые ветки
терновника
ощущаю под кожей
колючие
черные грубые

капиллярность
кровеносных сосудов
в стеблях растений

кровь поднимается ржавь
окалина желчь
и расцвечивает долину

на окраине угольной мульды
пахарь с конем
образуют сельскую картину
просторную забытую

* * *

скудным было ложе
нашей любви военной

сноп соломы
кусок мешковины

чуток лунного света
храп незнакомых людей
измотанных
как обозные кони

наши руки разъялись
тому уже двадцать лет
так откуда же отсвет
на белом терновнике
свет сквозь
сомкнутые веки

черный товарный состав
громыхал на горизонте

мелкая рябь на лужах
морщины
ветра

твои сухие теплые
ладони хрупкие косточки
ты раскрывала губы

я увидел

от леса
приближались
солдаты
в раздуваемых ветром шинелях

КАЗИМЕЖ ПШЕРВА–ТЕТМАЙЕР

18 января 1940 года
в оккупированной
Варшаве
подобрали на улице
бездомного бедняка
он умер не приходя
в сознание

но этого следует дожидаться
долго и терпеливо
чудища еще пребывают
во сне
в мозгу

та капля крови
пульсирующая
в таинственной сути
грядущего
ткань
которой суждено дегенерироваться

Мюнхен 1899

Казимеж Пшерва–Тетмайер
разглядывает в Новой Пинакотеке
«Остров мертвых»
Бёклина
люди уплывают как туман
с луга на озеро Ищут упокоиться
еще год
и начнется XX век

родится
первородный сын

погубитель отца
злокачественная опухоль

но этого следует еще дожидаться

подобранный
в 1940 году
оборванный старик
декламировал в бреду
бормотал

«лебяжье ложе сладостно сминая
покровы скинув с девственного тела
лучась на солнце дивно золотела
лобзаний Зевса ждущая Даная»

1967–1968

ПОСЛЕ ДОЖДЯ

Пал внезапный
как бог
в лоно Данаи
в просторную тенистую
долину

свет
высокоствольный
стекает по виноградным лозам
портала
лижет вздутые
гривы
мраморных львов

на пьяцца Сан-Руфино
после дождя

парень
держит
в почерневших ладонях
охапку трав и цветов

1966

БОЙ БЫКОВ

(Афиша)

Черный вулкан
дымится кровью
извергает
белую пену
бык
нашпигованный
остриями
оглушенный рыком
толпы

падает
опускается на арену
медленно
как окровавленный флаг

рога
раздутые ноздри
в гигантской глыбе мяса
глаз
подернулся пеленою
лава застывает
на солнце

белые чулки
черные лаковые туфли

1969

* * *

Что-нибудь плохое со мной случится?

ничего со мной не случится
переживу и это

сколько раз современного человека
можно лишить чести

стало быть
сразу как только вся эта
история с маленькой буквы
кончится
возьмусь за дело
что? именно так
еще раз возьмусь за дело
ба! начну изучать китайский
стоит ли
несомненно

великий патриот
поэт Лу Ю
жил в период
между 1125 и 1210 годами
когда монголы покоряли
Китай
он написал
9 300 стихотворений
в Китае в то время
стихи писали
снизу вверх
и справа налево
без всяких знаков препинанья

Январь 1968

АКУТАГАВА

Акутагава
за десять лет
сумел достичь
такой чистоты стиля

что можно его сравнить
ничуть не краснея
с птицей
поющей на ветке
безлистного дерева

в самом сердце
зимнего пейзажа

Акутагава
сделал язык своей прозы
столь прозрачным
что пробился сквозь стену
переводчиков

был он столь совершенен
и прост
что затосковал о смерти
и усыпил себя
будучи
тридцатипятилетним

1961

* * *

я крикнул на Нее
десять лет назад

она ушла
в туфлях из черной
блестящей бумаги

«не оправдывайся
–сказала–
не нужно»

я крикнул на Нее
в пустом
больничном коридоре

была жара июль
масляная краска шелушилась
на стенах

липы цвели и пахли
в городском покрытом копотью
парке

я безбожник
хотел для нее выплакать
когда кончаясь
она отталкивала задыхающаяся
пустую страшную потусторонность
вернулась на мгновенье
к себе в деревню
я хотел для нее выпросить как милостыню
в последний час
кусочек луга
дерево
облако птицу

вижу ее тоненькие ноги
в больших бумажных
покойницких туфлях

я сидевший между
столом и гробом
безбожник жаждал чуда
в задыхающемся промышленном
городе во второй половине
XX века

память об этом плачет
вынутая из меня
на свет

* * *

образ родины

родина край детства
место рождения
это малая самая близкая
родина

город село селенье
улица дом усадьба
первое чувство
лес на горизонте
могилы

познаются в детстве
цветы травы злаки
звери
луга нивы
слова плоды

улыбается родина

сперва расположена родина
в округе
вытянутой руки

только потом вырастает
кровоточит
болит

Травматический рассказ 1979

* * *

Я продирался через этот сон
с трудом
покуда не проснулся
в теплых ручьях
слез слов
шла ко мне мать
не бойся ты ведь в земле говорил я
никто уж тебя не обидит не ранит не тронет
мать с непостижимым страхом
прижималась ко мне
не бойся ты ведь в земле
ты ведь во мне никто тебя не тронет
не унизит не ранит
я продирался через этот сон с трудом
передо мной стояла Тень

СПУСКАЯСЬ

Памяти Казимежа

Теперь
спускаясь
оглядываюсь
и медлю

выгляжу человеком
что-то потерявшим
но не ищу
вокруг себя

иногда среди ночи
в себе
или в самый полдень
в себе
ищу нахожу
кто-то меня отворяет
затворяет
оглядываюсь
миную

САПОГИ И СТИХИ

«Нынче встал поздно
не мог писать
закончил шить сапоги»

нынче встал рано
не умею шить сапоги
начал писать стих

при всеобщем веселье
со всех сторон
стали ему подавать
большие куски мяса

потихоньку появляется
шило из мешка
содержание из формы
стихотворение никуда
не годится

но и твои сапоги Старче
тоже никуда не годились

так что писать продолжаю
стихотворение рвется
как изношенный шнурок

дело в том что музыка
не является вопросом морали
я опять утверждаю что это наслаждение
немногим большее
чем еда

тебе отказывали в спарже
но ты не брал в рот
мяса
«не могу есть труп»

я прошелся Дождь
какая-то писанина Лёвы
переписываемая девушками

(Лёва проиграл в карты
пятьдесят тысяч)

что-то меня понуждает писать
не озабочиваясь никакой формой

Старче взываю к тебе
на коленях
смилуйся
ведь и сапог имеет форму
без формы сапог не сапог

я согрешил
мыслью словом и делом
оставил форму

14–445

в наказание
стал формалистом

теперь
поговаривают что бесконечное пространство
искривлено

ИЗ ХРОНИКИ ЖИЗНИ ЛЬВА ТОЛСТОГО

ГОДЫ КРИЗИСА

во сне
любит меня Жена

всё становится
легко ясно
во мне вокруг

потом пробуждение

один за другим
действительности
слепые удары
я обречен
на умирающую жизнь

только дети проламывают
стены нашего заточенья
птичьими голосами

за чаем
ординарная ссора с Женой
око за око
зуб за зуб
жизнь смердит
как губка напитывается

страхом гневом желчью
кто коснулся
замкнутых уст

дома одомашненная смерть
с румянцем жизни бесстыдным
разрастается со дня на день

Мое сердце тяжко
есмь червь ничтожный
есмь прах на сандалиях
уходящего Бога

ненужный хочу умереть

Господи освободи меня
развяжи мои узы

жизнь меня унижает
хочу смерти
есмь падаль
на ясной поляне

открыл в себе
рану
стыдную гноящуюся
здоровье цветущее похоть
переезд в Москву
в доме сумасшедших
сумасшедшие «устраиваются»

не думают о душе в салонах
не думают о воскресении
точно я один
не сумасшедший

самый мучительный месяц
в моей жизни
балы визиты туалеты
духи танцы страсти

прячу от себя
шнурок
жизнь затягивается
как петля

попытаюсь еще раз
хочу перемениться
буду безмятежен
буду лучше

нет
это невозможно

за вечерним чаем
взаимные обвинения
гнев запах изо рта ложь

пробую писать
не могу
прячу от себя
ту постромку

я старый усталый человек
целый день тосковал
по малости тепла нежности
хочется как маленькому
прижаться к маме
душа
тоскует
по любви земной
не по божеской холодной
небесной

тоскую по матери
которую не помню
все это
безумие

жажду смерти

живой труп
с большими крылами

Я ВИДЕЛ ПОТРЯСАЮЩЕГО МОНСТРА

Живой ли мертвый
продолжает
он золото рождать

В мертвый сезон
на лакированных страницах
прессы возникал
часто
Пабло Пикассо

Монстр
из праистории
искусства

жил шутил шатался
в чреве мира
по ярмаркам

Четверть века тому
возник в Кракове
на улице Кармелитской
в самый полдень

поначалу лысый череп
в нем горящие глаза
на плечах гуральская душегрейка
в руке чупага
а вокруг него зеваки
те которые толпятся
если где катастрофа
или у пивного ларька

из на солнце загорелых
рук его взметнулся голубь
необыкновенно чистый
белый
пречистый

штукарь

жил во множестве домов замков
окруженный умершими живыми женами
воспроизводил производил детей полотна
сто
двести
триста
миллион долларов
в Писковицах и Гливицах
маляры стали
малевать квартиры в пикасы
вместо «не строй тициана понял»
стали говорить «не строй понял пикасо»

потом стало известно
что умер что идут идут
процессы процессы о наследстве
покойник пошевелился
со стен частных собраний
выставок музеев банков

часовен осыпаются картины
рисунки
растут в цене

Он чреватый
некрополь искусства
роза ветров
порождает золотые дукаты
улыбается мне
насмешливо и пропадает
за углом переулка в космосе

а я моложе себя
на двадцать семь лет
иду на Крупничью улицу
по дороге покупаю
чай сахар
булки и сардельки

а дома
неотложное дело

Создавать поэзию после Освенцима

СОДЕРЖАНИЕ

В. Британишский. Поэзия Ружевича 5

СТИХОТВОРЕНИЯ И ПОЭМЫ 19

Беспокойство
Стихи 1945–1946 годов

Маска. *Перевод В. Британишского* 21
Ламентация. *Перевод В. Британишского* 22
Раненый. *Перевод В. Бурича* 23
Мать повешенных. *Перевод Р. Фиша* 24
Доля. *Перевод М. Павловой* 25
Два приговора. *Перевод Ю. Левитанского* 25
Умершему. *Перевод В. Британишского* 26
Уцелевший. *Перевод В. Британишского* 27
1939 год. *Перевод В. Британишского* 28
Огромные алые губы. *Перевод В. Британишского* 28
Привал. *Перевод Д. Самойлова* 29
Марш через деревню. *Перевод Д. Самойлова* . . . 30
Мертвый плод. *Перевод Д. Самойлова* 31
* Мельничка. *Перевод Н. Астафьевой* 32
Прощание. *Перевод Н. Астафьевой* 32
Готика и весна. *Перевод В. Британишского* . . . 33
Любовь. *Перевод В. Британишского* 34
Весенний дождь. *Перевод М. Павловой* 35

Расчет. *Перевод В. Британишского* 36
Очищение. *Перевод В. Бурича* 37

Красная перчатка
Стихи 1947–1948 годов

Вижу безумных. *Перевод В. Британишского* . . . 38
Каштан. *Перевод Е. Винокурова* 38
Возвращение. *Перевод Б. Слуцкого* 39
Курган. *Перевод Д. Самойлова* 40
* Мясная лавка. *Перевод В. Британишского* . . . 41
Небо детства. *Перевод Д. Самойлова* 41
Если б кто увидел. *Перевод Д. Самойлова* . . . 42
Игра в лошадки. *Перевод В. Бурича* 43
Как хорошо. *Перевод Н. Глазкова* 43

Улыбки
Стихи 1945–1956 годов

Причины для радости. *Перевод Д. Самойлова* . . . 45
Превращения. *Перевод Л. Тоома* 45
* Приезд дедушки. *Перевод Д. Самойлова* 46
* Глиняные птицы. *Перевод Д. Самойлова* 48

Пять поэм
Стихи 1948–1949 годов

Косичка. *Перевод Б. Слуцкого* 50
Избиение детей. *Перевод В. Бурича* 51
Новое солнце. *Перевод Е. Винокурова* 51
Ответ. *Перевод В. Бурича* 52
Голоса. *Перевод В. Британишского* 54

Время, которое грядет
Стихи 1950 года

Провожаю глазами. *Перевод Д. Самойлова* . . . 57
Обещание. *Перевод Б. Слуцкого* 57

* Я шел по Новому Святу. *Перевод В. Британишского* 58
Открытие первоначальных красок в алтаре Вита Ствоша. *Перевод Д. Самойлова* 59
* Пейзаж. *Перевод Д. Самойлова* 59
Не смею. *Перевод М. Живова* 60

Стихи и картины
Стихи 1951–1952 годов

Поэтика. *Перевод А. Ревича* 61
Джендеран. *Перевод Л. Тоома* 63
Приключения Дон Кихота Ламанчского. *Перевод Д. Самойлова* 67
Свидетель. *Перевод Л. Тоома* 69
Был январь. *Перевод М. Живова* 70
Старая крестьянка идет берегом моря. *Перевод М. Павловой* 71

Равнина
1954

Первая любовь. *Перевод Ю. Левитанского* 75

Серебряный колос
Стихи 1954–1955 годов

Просветление. *Перевод В. Британишского* 79
Попытка. *Перевод Л. Тоома* 80
* Любовь 1944. *Перевод Д. Самойлова* 80
* Зеленые розы поэта. *Перевод Д. Самойлова* . . . 81
Белое перо. *Перевод Д. Самойлова* 81
Отец. *Перевод Ю. Левитанского* 83
* Попугай. *Перевод Д. Самойлова* 84
Не выскажешь. *Перевод Б. Слуцкого* 85
* Блудный сын. *Перевод Д. Самойлова* 86
Танк-памятник. *Перевод В. Бурича* 90
Удалось. *Перевод В. Бурича* 91

Мальчик в красной конфедератке. *Перевод В. Бурича* 91
Каменные братья. *Перевод В. Британишского* . . . 92

Открытая поэма
Стихи 1955–1957 годов

Завесы. *Перевод Б. Окуджавы* 94
* Хлеб. *Перевод В. Британишского* 96
Тело. *Перевод Н. Астафьевой* 97
Пожелания. *Перевод Н. Астафьевой* 97
Золотые горы. *Перевод Ю. Левитанского* 98
Колодки. *Перевод Д. Самойлова* 99
Городок. *Перевод М. Павловой* 99
В центре жизни. *Перевод Б. Слуцкого* 100

Формы
1958

* Формы. *Перевод В. Британишского* 103
Король. *Перевод Д. Самойлова* 104
Башня. *Перевод В. Бурича* 105
Двери. *Перевод В. Британишского* 106
Вечно спеша. *Перевод Л. Тоома* 107
Я реалист. *Перевод В. Британишского* 108
Письмо людоедам. *Перевод А. Ревича* 108

Разговор с принцем
1960

Обоснование. *Перевод В. Бурича* 110
Возвращение. *Перевод М. Живова* 111
Выход. *Перевод В. Бурича* 111
Страх. *Перевод В. Бурича* 112
* Приветливость. *Перевод В. Британишского* . . . 112
Памятники. *Перевод Б. Слуцкого* 113

Лира Леопольда Стаффа. *Перевод Д. Самойлова* 113
Дополнение. *Перевод А. Ревича* 114
Уговоры. *Перевод Л. Тоома* 115
Он так замаскирован. *Перевод В. Бурича* 116
Новые сравнения. *Перевод В. Бурича* 118
Чужой. *Перевод А. Ревича* 119

Зеленая роза
1961

Борьба с ангелом. *Перевод В. Британишского* . . . 121
* «Bocca della verita». *Перевод В. Британишского* 122
Зеленая роза. *Перевод В. Бурича* 123
Банковский сейф. *Перевод В. Британишского* . . . 127
Корни. *Перевод Б. Слуцкого* 128
При свете дня. *Перевод Л. Тоома* 129
Гробница Данте в Равенне. *Перевод В. Британишского* 131
Марс. *Перевод Б. Слуцкого* 132
Домик. *Перевод Б. Слуцкого* 132
Снятие ноши. *Перевод Б. Слуцкого* 133

Голос анонима
1961

Et in Arcadia ego. *Перевод В. Британишского* . . . 134

Ничто в плаще Просперо
1963

Кто такой поэт. *Перевод Б. Слуцкого* 159
Кормление Пегаса. *Перевод Д. Самойлова* 160
* Ничто в плаще Просперо. *Перевод В. Британишского* 161
Улыбка Леонардо да Винчи. *Перевод В. Британишского* 161
В розе. *Перевод А. Эппеля* 162

Третье лицо
1968

Из жизнеописания. *Перевод Д. Самойлова* 164
Ахерон в самый полдень. *Перевод А. Эппеля* . . . 165
Смех. *Перевод А. Эппеля* 172
Талант. *Перевод Ю. Левитанского* 173
«Свет на рассвете...» *Перевод А. Эппеля* 174
Двери. *Перевод А. Эппеля* 174
Колыбель. *Перевод Н. Астафьевой* 175
Каменоломня. *Перевод В. Британишского* 176
Строю. *Перевод А. Эппеля* 176
* «Ночью море...» *Перевод А. Эппеля* 177
«Тело мое...» *Перевод А. Эппеля* 177
«Чета стариков...» *Перевод Б. Слуцкого* 178
* На неведомом наречье. *Перевод А. Эппеля* . . . 179
Попытка современной любовной лирики. *Перевод А. Эппеля* 179
За гидом. *Перевод А. Эппеля* 181
* Бабочки. *Перевод А. Эппеля* 183
Среди множества занятий. *Перевод А. Эппеля* . . . 186
Голос из Круассе. *Перевод В. Британишского* . . . 187
Корректура. *Перевод Б. Слуцкого* 188
Рассказ о старых женщинах. *Перевод А. Эппеля* 188
Сокращенное изложение. *Перевод А. Эппеля* . . . 191
Занавесы в моих пьесах. *Перевод В. Британишского* 193
* Мельес. *Перевод В. Британишского* 194

Regio
1969

Вспоминание сна 1963 года. *Перевод М. Павловой* 196
Осеннее. *Перевод Д. Самойлова* 197
* «Скудным было ложе...» *Перевод Д. Самойлова* 198
* Казимеж Пшерва-Тетмайер. *Перевод А. Эппеля* 199
После дождя. *Перевод Д. Самойлова* 200
Бой быков. *Перевод В. Британишского* 201

«Что-нибудь плохое со мной случится?..» *Перевод В. Британишского* 202
Акутагава. *Перевод В. Британишского* 203
* «Я крикнул на Нее...» *Перевод В. Британишского* 203
«Образ родины...» *Перевод Д. Самойлова* 205

Травматический рассказ
1979

* «Я продирался через этот сон...» *Перевод В. Британишского* 207
* Спускаясь. *Перевод В. Британишского* 207
* Сапоги и стихи. *Перевод А. Эппеля* 208
* Из хроники жизни Льва Толстого. *Перевод А. Эппеля* 210
Я видел потрясающего монстра. *Перевод А. Эппеля* 213

Ружевич Т.

Р83 Стихотворения и поэмы: Пер. с пол./ Предисл. В. Британишского.– М.: Худож. лит., 1985.– 223 с.

В сборник Тадеуша Ружевича (р. 1921), крупнейшего польского поэта, прозаика, драматурга, входят стихотворения и поэмы, написанные в 1940–1970-е годы.

Р $\frac{4703000000-104}{028(01)-85}$ 171-85

ББК 84.4П
И (Пол)

Тадеуш Ружевич

СТИХОТВОРЕНИЯ И ПОЭМЫ

Редактор
Ю. Живова

Художественный редактор
Е. Ененко

Технический редактор
Л. Ковнацкая

Корректоры
Т. Гринивецкая и Б. Тумян

ИБ–№ 3938

Сдано в набор 28.04.84. Подписано к печати 17.12.84. Формат $70 \times 90^1/_{32}$. Бумага офс. № 1. Гарнитура «Таймс». Печать офсетная. Усл. печ. л. 8,17 + 1 вкл = 8,2. Усл. кр.-отт. 8,49. Уч.-изд. л. 8,95 + + 1 вкл. = 8,99. Тираж 10 000 экз. Изд. № V-1555. Заказ № 445. Цена 1 р. 10 к.

Ордена Трудового Красного Знамени издательство
«Художественная литература», 107882, ГСП.
Москва, Б-78, Ново-Басманная, 19

Можайский полиграфкомбинат Союзполиграфпрома при
Государственном комитете СССР по делам издательств, полиграфии
и книжной торговли.
г. Можайск, ул. Мира, 93.

Mam dwadzieścia cztery lata
Мне двадцать четыре года
ocalałem
я уцелел
prowadzony na rzeź.
отправленный на бойню.
. . . . . .

Człowiek tak się zabija jak zwierzę.
Человека убивают так же как скот
widziałem:
я видел
furgony porąbanych ludzi
фургоны людей порубленных на части
którzy nie zostaną zbawieni.
людей которые не спасутся.
. . . . . .

Szukam nauczyciela i mistrza
Я ищу учителя и пророка
niech przywróci mi wzrok słuch i mowę
пусть вернет мне зрение слух и речь
niech jeszcze raz nazwie rzeczy i pojęcia
пусть заново даст названия вещам и понятиям
niech oddzieli światło od ciemności.
пусть свет отделит от тьмы.
. . . . . .

Mam dwadzieścia cztery lata
Мне двадцать четыре года
ocalałem
я уцелел
prowadzony na rzeź.
отправленный на бойню.

1р. 10к.